

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МОЙ УЧИТЕЛЬ ЛИС

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ЕГИПЕТСКАЯ СИЛА

Андрей Белянин
Египетская сила

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Белянин А. О.

Египетская сила / А. О. Белянин — «АЛЬФА-КНИГА», 2018

Мой учитель Лис – частный консультант Скотленд-Ярда. Вы можете обратиться к нему для разрешения самых непостижимых преступлений и загадок. Если вас не смущает, что он настоящий лис. Впрочем, в Лондоне девятнадцатого века – эпохи просвещения, электричества и пара, говорящие животные не смущают никого, их принято называть «близкими к природе». Доберманы служат в полиции, кони водят кебы, еноты торгуют газетами, а я записываю таинственные истории об элегантном детективе с рыжим хвостом...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Белянин

Египетская сила

Глава 1

Египетская сила

Мой учитель Лис.

Я уже писал об этом, и, наверное, вряд ли стоит так уж детально повторяться.

Однако классические литературные традиции Великобритании всё же требуют от меня как автора вот этих самых записей соблюдения некоторых определённых условий. А они таковы, что, прежде чем приступить собственно к изложению своей истории, я обязан хотя бы в общих чертах рассказать неискушённому читателю то, что ему доселе неизвестно.

В частности, кто я такой и в чём моя роль на страницах этого повествования. Итак, меня зовут Эдмунд Алистер Кроули, эсквайр, семидесяти двух лет от роду, в ясном уме и трезвой памяти, насколько оно вообще возможно при моём возрасте, англичанин, лондонец, в настоящее время проживающий... впрочем, вот это как раз не важно.

Нам куда важнее вернуться в светлые годы моей юности, когда я, четырнадцатилетний мальчишка-сирота, делил с двоюродной бабулей (особой пьющей и курящей) маленькую квартиру на окраине Челси, ходил в школу для мальчиков, старался хорошо учиться, очень любил физику и тайком занимался опытами с электричеством.

Моя жизнь так и протекала бы в учёбе, туманах от уличных хулиганов, скуке домашнего быта, и бог знает, кем бы я стал, не встретясь на моём пути Лис, рыжехвостый джентльмен, консультирующий полицию Скотленд-Ярда. Да, судьба порой делает такие странные выражи...

Думаю, современному читателю не надо напоминать, что появившаяся в звёздном небе тысяча восемьсот двенадцатого года огромная комета не только стала предвестником великих войн, но также и непостижимым образом способствовала рождению на Земле разумных животных.

Прошло не так много времени, как наш цивилизованный мир электричества и пара, объединившийся в свободное торговое пространство от Хабаровска до Лиссабона, принял в единую семью так называемых близких к природе. Они работали наравне со всеми, имели равные права, заседали в парламенте, учились в престижных колледжах, участвовали в общественной жизни, и к середине прогрессивного девятнадцатого века человек уже не был венцом творчества. Отныне на этот сомнительный титул претендовали ещё и разумные звери.

Так вот один из таких «претендентов» взял меня на службу секретарём и мальчиком на побегушках. Я второй месяц живу под именем Майкла (так решил мой наниматель) в престижном районе, в шикарном двухэтажном особняке близ Тауэрского моста на углу улицы Тули-стрит, меня тренирует бывший чемпион полка по французскому боксу, а ныне просто лысый дворецкий старина Шарль.

В мои обязанности входит запись всех диалогов, монологов, мыслей и детальное описание тех странных лондонских дел, что подкидывает моему учителю Скотленд-Ярд, где месье Ренар, или мистер Лис, был частным консультантом. Я лично являлся свидетелем, а иногда и полноценным участником его величайших расследований.

Дедуктивный метод моего учителя был крайне невразумительным, но не в плане достижения результата, тут он всегда срывал лавры победителя, а скорее в самом методе. Научиться ему было невозможно, ибо он всего лишь разговаривал с людьми. Всего лишь!

Ренар обладал совершенно изумительным слухом и чутьём, находя к каждому свой подход, свой язык, свою манеру поведения, так сказать, свой золотой ключик. Мне не известен никто в целом свете, кто мог бы вот так, походя, просто от фонаря болтая языком, раскрывать жуткие и кошмарные злодеяния нашего непростого, но прекрасного времени.

Однако давайте по порядку, надеюсь, я не слишком утомил вас, прежде чем перейти к пересказу событий той знаменательной осени, когда после кровавого дела о кошмарном убийстве «кисок» в порту, примерно через пять-шесть дней, мой наставник получил телеграмму без подписи, содержащую одно лишь слово: «Берегитесь».

– Майкл, мальчик мой, где твои записи по делу об алмазе Шести Раджей?

– Сию минуту, сэр! – успел прохрипеть я со второго этажа, поскольку именно в это время старый дворецкий, не вдаваясь в особые объяснения, демонстрировал на мне приём под названием «французский ключ». Вся суть которого заключалась в том, чтобы, сцепив кисти рук и сблизив локти, правильно сдавить ими шею противника, а потом...

– Майкл, минута уже прошла. – В голосе Лиса послышались лёгкие нотки раздражения.

Лысая нянька Шарль, мастер кулинарных и боевых искусств, спас положение, дав мне коленом такого пинка, что в следующее мгновение я совершил перелёт через всю лестницу и вспахал носом пышный персидский ковёр прямо у ног своего учителя.

– Записи по делу, – ещё раз потребовал он.

Я на четвереньках добрался до письменного стола и протянул ему свой потрёпанный блокнот.

Лис поставил на блюдечко тонкостенную чашечку британского фарфора с недопитым кофе. Закусив нижнюю губу, он быстро пролистал страницы, буквально на пару секунд задерживаясь на какой-то важной лишь для него информации.

– Что-то случилось, сэр?

– Судя по тому, что инспектор полиции уже вторую минуту мнётся у наших дверей, не решаясь взяться за электрический молоток... да. Я бы сказал, что он расстроен, озадачен, растерян и пребывает в серьёзных сомнениях по поводу своего следующего шага.

Я поспешил встать на ноги, отряхнуть колени и привести себя в порядок. В тот момент, когда в дверь наконец-то постучали, наш дворецкий уже дежурил в прихожей.

– Месье, инспектор Хаггерт просит принять его.

– Разумеется, Шарль, сопроводите гостя, – не вставая с кресла и не повышая голоса, попросил мой наставник. – Как я понимаю, сержант Гавкинс будет позже?

– Не исключено, месье. Я приготовлю сливки заранее.

– Добрый день, джентльмены. – К нам в гостиную шагнул немолодой крупный мужчина с бакенбардами, чем-то напоминающий коротконогого тяжёлого английского бульдога.

Инспектор был в служебном мундире, но без головного убора, мокрый плащ он так же оставил в прихожей. Мы с месье Ренаром, встав, церемонно ответили на приветствие, а дворецкий почти в ту же минуту подал квадратный бокал с бренди на два пальца от доньшка. Шарль отлично знал вкусы практически всех наших завсегдатаев, если мне будет позволено так выразиться, всегда успевая появиться из ниоткуда с нужными напитками в нужное время.

– Присаживайтесь, дорогой Хаггерт. – Лис широким жестом указал гостю на большое кресло поближе к камину. – Отвратительная погода, третий день льёт как из ведра. Синоптики говорят о холодном циклоне, который несут к нам океанические ветра. Как ваша драгоценная супруга?

– Благодарю вас, Ренар, она в порядке, – несколько рассеянно кивнул инспектор. – А ваш бренди великолепен. Впрочем, как всегда.

– У меня хороший поставщик из Шотландии. Там, кстати, тоже дожди. Такая неприятность.

- Действительно, – кивком подтвердил мистер Хаггерт.
- Лондонская погода более способствует размышлениям в тишине. Мальчик мой, напхни, что там говорил бессмертный Джон Китс?
- Я не помню, сэр. Можно из Уильяма Блейка, он мне больше нравится.
- Лис добродушно пожал плечами.
- Слегка прокашлявшись, я с выражением прочёл:

Тигр, тигр, дикий страх...
Жуткий сон в чужих кострах,
Где оранжевый и чёрный
Подпирают тенью прах.
Кто познал твою печаль?
Кто послал в слепую даль?
Кто скрутил в комок все нервы,
Разукрасив глаз эмаль?
Чьею волей был твой взмах,
Кто расставил сеть в кустах?
Цепи чёрное железо
В чьих расплавилось руках?
В час чарующий, когда
С неба рушилась звезда
И в твоих очах пылали
Всей вселенной невода.
Он, любя своих детей,
Без упрёков и затей,
Глянул на тебя и сердцем
Принял боль твоих когтей?!

- Почему именно «Тигр»? Из-за алмаза Шести Раджей? А впрочем, не важно. Ты неплохо читаешь, Майкл.
- Bravo, – поддержал Лиса инспектор, не спеша потягивая свой бренди. – Ваш ученик растёт на глазах. Со временем, быть может, он даже сможет сделать карьеру в полиции. Как ты на это смотришь, парень?
- В будущем? С надеждой и перспективой, – подумав, ответил я.
- Мой учитель позволил себе тонкую полуулыбку.
- Кстати, как проходит выставка египетского искусства в Британском музее? Вы ведь из-за этого нанесли нам визит. Отметьте, я не поставил в конце знак вопроса.
- Выставка? С чего вы взяли?
- Господи боже, вы минут пять мнёте в руках её буклет!
- Неужели? – совершенно не удивился сэр Хаггерт. – Что ж, она великолепна. Лорд Теккерей финансировал проведение этой выставки, и должен признать, что кроме мумий, костей, саркофагов, глиняных табличек и прочих редкостей там много золота и драгоценных камней.
- Как я понимаю, ничего не пропало?
- О нет, сэр! Мы обеспечили выставке надёжную охрану, там круглосуточно дежурит полицейский наряд. И ещё четверо констеблей периодически патрулируют улицу. – Инспектор Хаггерт покосился на Шарля, и тот, получив кивок от Лиса, быстро наполнил его бокал. – Однако должен признать, что есть вещи, которые меня тревожат.
- Я уже почти привстал, потому что логичный вопрос буквально рвался с языка, но под резким взглядом своего рыжего наставника вовремя захлопнул рот. Наверное, излишне громко,

все на секундочку вздрогнули, но у нас в Британии всегда лучше показаться глупым, чем невоспитанным.

– Простите, инспектор, Майкл всего лишь хотел спросить: если вас что-то тревожит, то разве сержант Гавкинс не готов лично разобраться с возникшей ситуацией?

Хаггерт шумно выдохнул и одним глотком выпил бренди.

– Ого, – чуть удивился Лис, поднимая брови. – Неужели вы уже направляли на это задание Гавкинса, но наш бравый сержант не справился?

– Хуже...

– Шарль, ещё бренди инспектору и кофе по-бретонски для меня.

– Сию минуту, месье.

– А что значит «хуже»? – осторожно рискнул спросить я, раз уже все в гостиной так или иначе высказались.

Инспектор исподлобья бросил взгляд на хозяина дома, и месье Ренар, не задумываясь, подтвердил:

– Сэр, пусть мой секретарь ещё слишком юн и пылок, но он имеет право на вопрос. Если, конечно, Скотленд-Ярд не считает эту информацию секретной. В любом случае, как вы знаете, ничто из сказанного вами не покинет стен этого дома.

– Сержант Гавкинс, он... он находится... – Наш гость закашлялся и благодарно кивнул дворецкому, принимая с подноса бокал бренди. – Находится на вынужденном больничном у себя в меблированных комнатах в Сохо. Ему пришлось провести ночь в зале египетских мумий, на той самой выставке. Результат не заставил себя ждать.

– Полагаю, доберман поступил так по собственной инициативе.

– Да, Ренар, вы абсолютно правы! Я не отдавал такого приказа, но сержант уверял, будто бы что-то там почуял.

– У него столь чуткий нос? – случайно брякнул я, на что получил сразу три уничижительных взгляда от всех присутствующих. – Прошу прощения за мою бестактность. Глупый порыв пошутить, абсолютное отсутствие чувства юмора, подростковая горячность и полное отсутствие оправданий.

Трое мужчин не удержались от коротких аплодисментов.

Это не значит, что я прощён, но, по крайней мере, не буду наказан изгнанием из комнаты. Нужно учиться крепче держать язык за зубами. Инспектор благородно сделал вид, что ничего не произошло, оскорбительные слова не прозвучали, конфликт исчерпан, и спокойно продолжил.

Выпитый алкоголь, похоже, не оказывал на него ни малейшего действия. Ну разве что слегка порозовел нос, и не более.

– Там что-то творится, Ренар, поверьте мне. Констебль, дежуривший у дверей, докладывал о странных шорохах, скрипах, стогах и даже перестуке конских копыт. Это ненормально, но... Вы смеётесь надо мной, сэр?

– Я улыбнулся лишь на мгновение. И, разумеется, это не относится к вам, уважаемый инспектор, – очень серьёзно ответил Лис, мгновенно стирая с лица даже слабый намёк на веселье. – Но согласитесь, какие-то подозрительные шорохи-и...

– Оказались способны напугать Гавкинса! А сержант далеко не робкого десятка.

Вот тут согласие было всеобщим.

Я отличнейше помнил страшный оскал ретивого добермана, от которого у меня вечно мурашки по спине бегали. Никто и никогда не нагонял на меня такого страха. Ни маньяк в Гайд-парке, ни индийский тигр-убийца, ни сумасшедшие сиамские кошки с острыми спицами, ни даже моя грозная бабуля, когда рычала перегаром по утрам после вечерней попойки.

Не сомневайтесь, если она вовремя не получала свой виски, то вполне могла пойти на убийство. Причём в самой жестокой и извращённой форме.

Уж я-то её знаю...

– Чем же мы можем помочь полиции? – Принимая чашечку горячего кофе, мой учитель потянулся, с хрустом повернув шей, и продолжил: – Под вашим непосредственным руководством сотни профессиональных полисменов, с десятков сыщиков и детективов. При желании хоть у каждого экспоната можно было бы поставить отдельного констебля. Уверен, пара ночных дежурств быстро развеет все вопросы или сомнения.

– Вы во всём правы, Ренар, – подумав, согласился инспектор. – Разумеется, Скотленд-Ярд по силам справиться с любой ситуацией. Мои люди способны задержать любого преступника, в конце концов, их этому учили. Но мумии...

– Страх перед иррациональным?

– Вы не хуже меня знаете, как суеверны низшие чины полиции. И самое главное, лорд Теккерей будет весьма изумлён (если не жутко раздосадован!), узнав о полицейских нарядах в залах, где хранятся предоставленные им сокровища.

– Думается, это не единственный мотив, – скорее самому себе промурлыкал мой учитель, допил кофе и улыбнулся. – Инспектор, вы обратились по адресу. Нам с Майклом не составит ни малейшего труда провести ночь-другую вне дома.

– Я ваш должник...

– Ну что вы, какие долги?

– Я настаиваю.

– Ах, тогда не смею обидеть вас отказом, – торжественно согласился месье Ренар, вставая и пожимая инспектору руку.

Джентльменское соглашение было заключено.

Пока они церемонно прощались, обмениваясь уверениями во взаимном уважении и вечной дружбе, я спокойно дописал последние строчки в блокноте и, отложив верное электроперо, терпеливо ждал возвращения учителя. Лис вошёл в комнату, удовлетворённо потирая лапы.

С нашего последнего приключения в порту прошло больше недели, и всё это время мой скучающий учитель ждал исполнения обещаний от того таинственного синдиката, на хвост которого мы с ним, образно выражаясь, наступили. Увы-с...

Кроме одной-единственной телеграммы, у нас на руках не было больше ничего. Возможно даже, что и сама телеграмма являлась лишь чьей-то грубоватой шуткой. В любом случае пока никто не шёл дальше банальных угроз, и рыжий Лис явно скучал.

Он читал, гулял, пил, боксировал, фехтовал, спал днём, никуда не спешил, изо всех сил делая вид, что праздная жизнь доставляет ему искреннее удовольствие. Не думаю, чтобы таким образом ему удавалось хоть на час обмануть меня или того же дворецкого.

– Мальчик мой, мы берёмся за это дело!

– Потому что нам всё равно больше нечем заняться?

– И да и нет, – туманно ответил он, сам полез на книжные полки и ловко спрыгнул, держа перед собой большой том по истории и мифологии Древнего Египта. – Ты ещё здесь? – буквально через минуту удивился он, словно бы впервые увидев меня. – А разве тебе не надо провести бабушку?

- Я был у неё вчера, сэр.
- И как она? Надеюсь, в добром здравии.
- Не совсем. – Я почесал затылок, как обычно поступают все британцы, не зная, что ответить. – По правде говоря, бабуля слегка подралась с соседями. Две почтенные дамы с соседней улицы деликатно намекнули ей, что старая матросская песня «Голубая луна всему виной...» звучит весьма двусмысленно.
- Глупости, она абсолютно недвусмысленна.

– Возможно, они были где-то правы по сути, но не по факту обращения. Бабуля надавала им тумачков, в дело вмешался дворник, потом фонарщик, потом ещё двое прохожих, священник англиканской церкви и...

– И?

– Короче, больница переполнена, сэр, – громко отпартовал я. – Бабушка дома, лечится виски и передаёт вам пламенный привет.

– Старая закалка, теперь таких не делают, – быстро листая страницы, пробормотал Лис. – У тебя два часа на мастерскую. Потом тренировки с Шарлем, и после ужина мы едем в Британский музей.

– Могу я взять что-то из средств защиты?

– Вряд ли нам это понадобится. Впрочем, возьми электрический фонарь, рогатку и... и... какую-нибудь книжку почитать. Судя по всему, главная опасность для нас состоит в том, что там можно умереть от скуки.

– Думаю, если нам грозит именно это, то мы бессмертны, – хмыкнул я.

Скука, зевота, сонливость, праздность, лень – понятия, несовместимые с кипучим характером моего наставника. Месье Ренар попросту не умел скучать. В этом смысле тонкий английский сплин никогда не мог взять власть над непредсказуемой лёгкостью его игривого французского нрава.

Мне доводилось видеть Лиса в радости, в ярости, в печали, в безумстве, а один раз даже в слезах (когда он сам переборщил с горчицей на яйцах-пашот), но никогда в тоске или в унынии.

Считается, что «близкие к природе» зачастую намеренно забывают или даже стыдятся естественной звериной части своего самосознания. Так вот, месье Ренар, наоборот, из принципа всячески подчёркивал свою оригинальную самобытность, свой исключительный стиль и неподражаемый шарм.

К примеру, на днях он заставил меня прочесть записки безвестного средневекового монаха, обработанные великим Иоганном Вольфгангом фон Гёте, совершенно серьёзно утверждая, что прототипом героя этого литературного произведения послужил его далёкий предок.

И должен признать, что, несмотря на всю грубоватость описываемых нравов, жестокость эпохи, глупость и суеверия большинства участников данного эпохального плутовского романа, я действительно находил некоторое сходство в чертах характера немца Рейнеке, француза Ренье и британца Ренара. Прочтите же и сравните сами!

Но если слепо верить моему учителю, то все, абсолютно все лисы на земле неуловимо похожи друг на друга. Не только внешностью или повадками, но ещё и врождённым авантюризмом, опасно балансирующим на канате меж безобидной шуткой и серьёзным нарушением закона!

По крайней мере, за те почти два месяца, что я служил у месье Ренье, этот баланс легко нарушался в обе стороны немыслимое количество раз.

– С вашего разрешения, сэр, я удалюсь в мастерскую.

Лис кивнул, не отрываясь от книги.

Само по себе помещение мастерской как святая святых нашего просвещённого девятнадцатого века, эпохи электричества и пара, находилось в подвальном помещении двухэтажного особняка благородной семьи Ренаров.

Должен признать, что мой учитель имел достаточные финансовые возможности для оборудования мастерской или лаборатории на самом высоком уровне. Всё необходимое для исследований в области физики, химии, электричества и всего того, что могло считаться сопутствующими процессами, имелось здесь в избытке. А при необходимости тут же покупалось по первой же моей просьбе. Лис ценил и поощрял практическую учёность.

Я с наслаждением надел плотный фартук, крепкие резиновые перчатки, берясь за своё так и не доведённое до конца изобретение. Новая современная полицейская дубинка. Или, как скептически выразился однажды наш дворецкий, НСКПД («не суйся к полиции, дурак!»).

Учитель говорил, что в своё время старина Шарль был участником студенческих беспорядков в Лионе и Париже, так что на своей собственной шкуре знал всю мощь рукоприкладства органов охраны правопорядка. В это невозможно поверить, но наш вышколенный лысый дворецкий в молодости был ярым и отчаянный бунтарь! Я в очередной раз задумался о том, как мало знаю об окружающих меня людях. Но займётся делом...

Электрический звонок, призывающий меня подняться наверх, прозвучал, наверное, не раньше чем часа через четыре или пять, а время текло просто как песок сквозь пальцы. Мне только-только удалось разобраться с балансировкой дубинки, так, чтобы она могла выстреливать электрическим разрядом, а после выстрела не потерять своей функциональности в самом примитивном применении.

Я поясню, если непонятно.

То есть, если электрический разряд не вырубил преступника, просто добей его с размаху той же дубинкой по башке! И будет тебе как полисмену полное счастье...

Проблема заключалась в том, что нынешняя полиция Лондона была вынуждена (так как находилась под жёстким диктатом определённого лобби в палате лордов) применять в качестве личного оружия лишь короткую деревянную дубинку. Предмет, приносящий мало пользы в реальном бою и уж совершенно бесполезный против преступника, вооружённого палкой, длинным ножом, кастетом, цепью или пневматическим револьвером.

В результате чего наши доблестные бобби попадали в больницу гораздо чаще тех, кого, по идее, должны были сурово задерживать. Мне не хватало буквально пары недель на доработку первого экспериментального образца, который не стыдно было бы показать хоть тому же инспектору Хаггерту. Но времени всегда так мало-о...

– Уже иду, сэр! – прокричал я, надеясь быть услышанным.

Честно говоря, после утренней «разминки» (так это называет наш дворецкий-костолом) меня не особенно тянуло к дневным тренировкам. Хотя должен заметить, что если ранее бывший военный дрался молча, то последние шесть-семь дней он болтал не затыкаясь.

На французском, разумеется! Даже учителя, что преподавали нам основы иностранных языков, помнится, и то делали это не в такой экспрессивной манере.

С другой стороны, если в английской школе для мальчиков за год я сумел выучить только «бонжур», «пардон» и «вуаля», то здесь уже на третий день драк с разговорчивым Шарлем я вдруг осознал, что понимаю как минимум треть из того, что он говорит! Это было практически невероятно. Кто же способен учить иностранный язык, когда он сопровождается оплеухами и тумаками?!

Старый дворецкий буквально вбивал в меня каждое слово кулаком или пяткой. Не представляю, как у него это получалось и каким таинственным образом всё это трансформировалось в моём мозгу, однако на последней тренировке я умудрился громогласно послать его к чёрту на чистейшем французском без малейшего акцента!

– К вашим услугам, местье, – на восточный манер поклонился я, выходя из мастерской.

– Хозяин ждёт, – сухо обронил дворецкий, освобождая мне дорогу.

– Что ж, выходит, тренировок сегодня не будет?

Если я и показал напускное разочарование, то самую чуточку. Однако, на мою голову, бдительному Шарлю хватило и этого. В следующее мгновение я кубарем летел по коридору в гостиную, подгоняемый размашистыми точными ударами ног старого боксёра.

Молчание – золото! В этой простенькой истине мне приходилось убеждаться практически ежедневно.

– О, Майкл? – искренне обрадовался месье Ренар, когда я пыльным клубком вкатился в гостиную, едва не врезавшись спиной в камин. – Присаживайся, ужин стынет. Через полчаса мы должны покончить с чаем и направиться в музей.

– То есть, сэр, мы действительно идём слушать ночные шорохи мумий?

– Сам в шоке, – честно признался мой учитель. – Но джентльмен обязан держать слово. Или у тебя есть какие-то сомнения?

– По поводу «держат слово»? О нет!

– А по поводу чего есть?

– Ну, мне представляется неким лёгким кретинизмом поход на египетскую выставку с целью послушать звуки, шорохи, скрипы ради успокоения инспектора Хаггерта.

– Мальчик мой, иногда ты даже больший англичанин, чем весь британский парламент в целом. Не стоит быть таким занудным. Или тебе необходима ещё одна прививка веселья от юной племянницы нашего Шарля?

Мне оставалось только рухнуть на колени, молитвенно сложив руки перед грудью. Что угодно, только не милая мадемуазель Кристи, увольте, лучше застрелиться на месте, выпить пинту яду или убить себя головой об стену. Делайте со мной всё что хотите, только не бросайте с размаху в этот колючий розовый куст...

– Я так и понял, – удовлетворённо потянулся Лис, демонстративно пододвигая ко мне столик, накрытый к ужину.

Слегка остывший ростбиф, поджаренный хлеб, ирландский пирог, рагу из баранины, тушённые в пиве овощи, свежий французский сыр с мёдом и запечённая груша в малиновом джеме. Поверьте, до моего поселения в доме месье Ренье я и близко не подозревал, что солёный сыр можно макать в сладкий мёд! К моему немалому удивлению, это оказалось вполне себе очень даже вкусно!

– Собирайся, – объявил мой наставник ещё до того, как покончил с десертом.

Я даже не пытался спорить: за столь недолгое время пребывания в доме Лиса мне не раз преподавали библейский урок смирения. Дождаться дополнительных пинков от дворецкого было крайне рискованно, храни меня пресвятой Ньютон-шестикрылый!

Если кто считает, что в англиканской церкви нет святых, то поправлюсь, Ньютон не святой. Он великий учёный, по моему личному представлению равный как минимум апостолу! Так что вполне заслуживает соответствующего уважения.

В общем и целом мы успели собраться и вышли из дома примерно в восемь часов вечера. Угадайте, кто ждал нас на мостовой?

– Лисицын! Хлопчик! Да сидайте уже, доведём до места в наилучшем виде, – со скалозубой улыбкой встретил нас рыжий жеребец с белой полосой от храпа до лба.

Ох, вот только Фрэнсиса нам тут и не хватало? Нет, нет, нет, он ведь будет петь...

В саду, при долине, я розы рвала,
Рвала и бросала под те ворота.
Рвала и бросала, ох, под те ворота-а.
Не смейся, козаче, шо я сирота!
Не смейся, козаче, шо я сирота,
Пришёл бы ты сватать, а я б не пошла!

Наверное, если бы я просто попытался перевести всё это дословно на великий язык Китса, Стивенсона или Шекспира, то результат был бы плачевным. Даже сам бессмертный Марло не смог бы создать нечто равноценное старым донским песням. И не потому, что английский язык беднее русского, просто некоторые моменты души непередаваемы по сути своей.

И лишь когда в далёком будущем я впервые посетил таинственную Россию, загадочную Кубань и дикий тихий Дон, мне многое открылось, став явным. Быть может, именно тогда я, чистокровный англичанин, вдруг впервые надел парakh'у набекрень и назвался cossack'ом. Ну да обо всём этом когда-нибудь потом, не сейчас, верно?

А в тот злополучный вечер, пока наш поющий кебмен гнал паровую машину под моросящим дождём, никто из нас и близко не задумывался, сколь опасным для здоровья может оказаться посещение обычной музейной выставки. Опасности редко заявляют о себе заранее.

Фрэнсис высадил нас на тротуаре напротив величественного здания Британского национального музея. И хотя мы оба с учителем были в плащах, всё равно успели промокнуть, пока поднимались по ступеням довольно длинной широкой лестницы. Официально сторожа закрыли помещение для посетителей в восемь часов пополудни.

Как я понял, мы успели ровно за десять минут до закрытия музея, как раз для того, чтобы два полисмента встретили нас на входе и, подтвердив приказ инспектора Хаггерта, сопроводили внутрь по коридорам вплоть до дубовых дверей зала естествознания. Там они торопливо попрощались, закрыли нас на ключ (!) и рванули из музея с такой скоростью, что перестук их форменных ботинок можно было принять за дробь копыт двух скаковых лошадей, несущихся галопом по паркету.

– И это Скотленд-Ярд, краса и гордость британской полиции, – с тихим изумлением проормотал Лис, поворачивая на полную мощность выключатель электрического освещения. – Располагайся на стуле зрителя, поспать нам сегодня не удастся, но хотя бы посидеть с комформом мы имеем право.

Наверное, по всем правилам детектива мне стоило бы описать зал, где мы находились?

Ну и, честно говоря, не сделай я этого, месье Ренар был бы в некотором недоумении, ведь в мои прямые обязанности входит записывать буквально всё – в деталях и цифрах.

Итак, попробуйте представить себе довольно просторную комнату прямоугольной формы шагов сто двадцать в длину и семьдесят в ширину. По центру стоял невысокий дубовый стол, накрытый длинной чёрной скатертью до пола. На нём покоился древнеегипетский саркофаг, расписанный иероглифами и рисунками, основные цвета чёрный, красный и белый.

Крышка, разумеется, была закрыта, но табличка гласила, что внутри находится мумия третьей жены самого Тутанхамона. Да, я помню, что он умер совсем молодым, но учитель говорил, что фараон, как олицетворение бога Ра на земле, мог жениться хоть в возрасте трёх-четырёх лет. Чем мог заниматься такой ребёнок со взрослой женщиной в браке, лично я ума не приложу, наверное, игрой в ладушки или догонялки, не более.

Сразу за саркофагом, у противоположной входу стены, привлекали взор две длинные витрины, под толстым стеклом которых были выставлены драгоценности фараона. В основном это было жёлтое золото, плохо обработанные рубины, изумруды, бирюза, привезённый янтарь.

Справа и слева располагались небольшие постаменты для мумий животных, тут были кошки, собаки, шакалы, соколы и даже одна мышь в крохотных бинтах. По обе руки от входной двери вдоль стен стояли древние глиняные плиты, сплошь изрисованные сложными египетскими иероглифами. О чём именно там велась речь, мне неизвестно.

Возможно, мой учитель знал, но он, как всегда, молчал, сохраняя таинственный и многозначительный вид. Лис неторопливо обошёл всю выставку по кругу, внимательным образом осмотрев все экспонаты и особенно задержавшись у саркофага.

– Ну что ж, мой мальчик, – нарочито громко, так что у меня на миг заложило уши, проормал он. – Как видишь, всё в порядке. Никаких таинственных звуков, чуждых голосов, заклятий мумий и прочего мистического ужаса, что так напугало бравого сержанта полиции. Гавкинс обычный паникёр, его подвело слишком богатое воображение. Здесь есть две кушетки для уставших посетителей. Укладывайся на любой и попытайся уснуть, уборщики поднимут нас в семь утра.

– Со всем моим уважением, сэр, – шёпотом признался я, подходя поближе. – Сержанта Гавкинса можно назвать кем угодно, но не паникёром. К тому же я абсолютно уверен, что у него напрочь отсутствует воображение.

– Майкл, всё, что я говорил сейчас, – это не для тебя и уж тем более не для сержанта, – таким же мягким шёпотом, твёрдо сдавив мне руку, предупредил месье Ренар. – Поэтому марш спать без препирательств и разговоров.

– Но если что, то я готов...

– Нет, уверяю тебя, ничего не произойдёт. Просто спи.

У меня не было причин не доверять ему. Более того, даже самый короткий опыт общения с Лисом достаточно быстро учил вас принимать каждый его совет за золотую монету.

Любой мальчик, если он не круглый дурак, точно знает, когда продолжать тонко по-английски троллить учителя, а когда лучше заткнуться, изображая полное и безоговорочное послушание.

Сейчас имел место быть именно этот случай. Поэтому, церемонно поклонившись моему рыжему наставнику, я выбрал себе длинную кушетку, обитую красным бархатом, положил под голову сумку с блокнотом и, не снимая ботинок, улёгся на правый бок.

Месье Ренар, щёлкнув выключателем, погасил свет, расположился на противоположной кушетке, и буквально через пару минут я уже слышал его ровное сонное сопение. Нет, он не храпел в общепринятом человеческом понимании этого слова, но он изумительно тонко и в чём-то даже музыкально выводил мелодические рулады носом.

Лично мне казалось, что он напевает классическое «Тореадор, смеле-е-е-е в бой!». Но давать гарантии не берусь, вполне может статься, что это было французское «нон, редорьян...» или вообще какая-нибудь малопонятная «хава нагила, хава нагила-а!». Собственно, я и заснул, пытаясь разгадать эти мелодии с трёх или четырёх нот. И, как ни странно, это убаюкивало...

Мне снилось, что мы гуляем с отцом, в воздухе разливался то ли скрежет, то ли какая-то неуловимая музыка, я совсем маленький, он ведёт меня за руку, нам так хорошо вместе. Было тепло, пахло цветами, я смотрел на него снизу вверх, у него большая ладонь и всегда аккуратно подстриженные ногти. Почему дети запоминают малозначительные детали? Я совершенно не помню, о чём он говорил со мной, не мог бы повторить ни одного отцовского совета. Пресвятой электрод Аквинский, да я даже голоса его не помню! Почему?!

– Мальчик мой, – моего плеча коснулась мягкая лапа Лиса, – ты кричал во сне.

– Я... я не... Ох... простите меня, сэр.

– Ах, ерунда, не стоит извинений. – Мой учитель подхватил меня под мышки, довольно бесцеремонно встряхнув и поставив на ноги.

К моему изумлению, уже наступило утро, солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы узких окон, а в самом помещении трудились пятеро уборщиков. Все в одинаковых серых костюмах, белые передники, чёрные туфли, и все при деле. У двоих щётки на длинных ручках, которыми они старательно мели пол, ещё двое протирали вельветом витрины, а один, важно раздувая щёки, старательно сдувал пыль с саркофага.

Месье Ренар выглядел абсолютно свежим, благородно улыбался во все стороны, и в жёлтых глазах его прыгали весёлые искорки. Я невольно поёжился, обычно эти признаки свидетельствуют о том, что в самое ближайшее время мы с головой влетим в какие-нибудь неприятности.

– Сэр, вы уже всё поняли?

– Само собой, – хлопнув меня по плечу, счастливо рассмеялся он. – Дело раскрыто! Сегодня мы сделаем доклад в Скотленд-Ярде, а уже завтра вечером они арестуют злодея у него же на дому! Всё оказалось даже проще, чем я ожидал.

– Не могли бы вы подвинуться, джентльмены? – попросили нас.

Нам пришлось извиниться и выйти из зала. Через пару часов египетская выставка должна была распахнуть двери для новых толп посетителей. Я обернулся, ещё раз бросая взгляд на древние мумии, на минуточку мне даже почудилось, что одна из древнеегипетских кошек игриво подмигнула мне. Наверное, это была полусонная иллюзия или обман зрения на общем мистическом фоне.

Мы быстрым шагом покинули музей, вышли на улицу, а там уже во всю пасть зевал навстречу новому дню наш неизменный кебмен с тихого Дона. Неужели он дежурил тут всю ночь? Ну надо же...

– Га! Лисицын с хлопчиком? Та ще живые оба! Сидайте уже, прокачу с ветерком до дому, до хаты. А то у хлопчика рожа як сметана, краше в гроб кладут!

Уф, пресвятой электрод... не знаю, что положено говорить приличному англичанину в подобной ситуации. После Крымской войны я уже знал, что значит *mat po-russki*, но в годы моей свежей и непорочной юности такие страшные и восхитительные слова никоим образом не умещались у меня на языке. Да он бы, наверное, просто отсох, как мне кажется.

– Давно стоишь, братка? – фамиллярно бросил мой учитель, первым залезая в кеб. – Ох и славное дело было, дружище, как сами живы остались, одному Господу ведомо. Ну да божьими молитвами хранимы, вот и выбрались!

– Правду ли говоришь, Лисицын? – в голос хохотнул рыжий кебмен с белой полосой вдоль морды. – Та сидайте ж уже, поехали!

Кеб пустил пары, колёса скрипнули, нас откинуло на мягкие кожаные сиденья, и мы всю дорогу наслаждались (ради меня прошу взять это слово в кавычки) невероятно длинной, печальной и даже в чём-то заунывной русской песней. Если когда-нибудь я это полюблю, прикажите повесить меня за измену интересам британской короны. Ну пожалуйста-а...

– Приведи себя в порядок, через десять минут Шарль подаст завтрак, – через плечо бросил Лис, когда мы наконец-то добрались до места, шагнув под сень нашего уютного дома. – Завтракай без меня, мне нужно будет заняться некоторыми приготовлениями.

Дворецкий встречал нас выбритый и немногословный, как всегда. Сколь бы рано или сколь бы поздно ни явился месье Ренар, тощий лысый старикан всегда встречал его в безупречно выглаженном костюме, белоснежной сорочке и туфлях, надраенных, словно столовое серебро, всегда невозмутимый, без единого упрёка или даже случайного косого взгляда.

Как он умудрялся всегда быть на высоте, не знал никто. Эта великая тайна наверняка будет унесена им в могилу. Впрочем, судя по всему, наступит это очень не скоро, то есть лично я вряд ли доживу, чтобы удостовериться лично.

Наверху, в моей комнате, на кровати, уже ожидала чистая смена одежды, благодаря Лису теперь меня одевали, словно мальчика из очень обеспеченной семьи. На то, чтобы умыться, почистить зубы, переодеться, ушло, наверное, минут пять-шесть.

Лёгкий французский завтрак – круассаны с маслом, два варёных яйца-пашот, вишнёвый джем и чашка чая. Обычно здесь подавали кофе, но в этом плане для меня делалось исключение. Учителя в доме не было, а спрашивать, куда он пошёл, просто не имело смысла. Если старина Шарль и знает, то всё равно не скажет. А он не знает, я уверен.

Через десять минут после завтрака мне пришлось отмахиваться шваброй от лысого агрессивного старикана, размахивающего над головой тонкой стальной цепью. Пару раз мне удавалось ускользнуть, раза три или четыре я ухитрился подставить швабру под удар, раз двадцать он сбивал меня с ног мгновенными захлёстами, и несчётное количество раз кончик цепи обжигал мне спину. Даже не скажу, больно ли это было...

Больно-о! Дико больно и ещё жутко обидно! Потому что мне ни разу не удалось дать ему сдачи, хотя, клянусь ньютоновым яблоком, это уже давным-давно стало навязчивой идеей.

Как он меня бесил, невозможно высказать на английском, язык великого Шекспира не обладает таким количеством достойных ругательств или проклятий, каковые кипели в котле

моей души. Наверное, можно было бы подобрать что-то в немецком, который мне, признаюсь, пришлось изучать, но там в основном богохульства, а тут требовалось всё-таки нечто иное.

Как вы догадались, рыжий жеребец с Дона мог бы подсказать некую подходящую обличающую конструкцию. Я лично слышал один раз собственными ушами, как он обложил арабского кебмена, подрезавшего его на повороте. Смысл был от меня слишком далёк, но эмоциональный фон настолько явен, что в литературном переводе уже не нуждался.

Надо непременно переписать эти крайне полезные выражения, думал я, лёжа на лестнице носом вниз, связанный по рукам и ногам проклятой цепью.

– Месье Ренар стоит у дверей, – неожиданно сообщил мой наставник по боевым искусствам. – Прошу извинить меня за то, что вынужден прервать наш урок. Встреча хозяина дома входит в мои первоочередные обязанности.

– Само собой, – кое-как просипел я. – Не извиняйтесь, Шарль, я не в обиде.

– Обещаю продолжить, как только освобожусь.

– Вы невероятно великодушны!

Он коротко кивнул, словно пытаясь клюнуть носом муху, и поспешил вниз. Лёгкий скрип отворяемой двери секунда в секунду совпал с первым ударом электрического молотка.

– Опоздываете, старина...

– Нет, нет, сэр! – во всю мочь прокричал я. – Дворецкий ни в чём не виноват, это я ненароком задержал его во время наших тренировок. Могу ли я рассчитывать на ваше снисхождение, сэр?

Минутой позже на меня взглянул несколько ошарашенный Лис. Внимательно оглядев моё бедственное положение, он тем не менее не попытался распутать цепь, а лишь довольно учтиво спросил:

– Тебе удобно, мой мальчик?

Я закивал, стуча лбом о ступеньку.

– Хорошо, тогда будь добр присоединиться ко мне за чаем. Шарль, для меня есть корреспонденция?

– Нет, месье, только утренние газеты. Что прикажете подать вам к столу?

– Моего юного секретаря.

Через некоторое время я сидел на стуле с прямой спиной (невозможно ныло меж лопаток и с боков) с новым блокнотом на коленях и заряженным электропером.

Мой учитель на этот раз решил отдать дань британским традициям, то есть цейлонскому чаю со сливками. Похрустывая тонким печеньем, месье Ренар качал левой ногой и вслух зачитывал мне некоторые новости из подборки утренних сообщений.

– Дерзкое ограбление в Британском музее.

– Ньютон-шестикрылый, когда?! – удивился я, вытянув шею.

– Думаю, давно, – обернулся ко мне Лис и продолжил читать самым драматичным голосом: – «Благородный лорд Теккерей, посетивший утром выставку египетского искусства, любезно предоставленную им же Британскому национальному музею, вдруг заметил, что у одного золотого скарабея изумруд, изображавший глаз, был заменён на рубин. Изумлённый столь неожиданной метаморфозой, коллекционер поначалу счёл это причудливой игрой света и тени. По его просьбе смотритель на время закрыл выставку, опечатав вход, к недоумению, а кое-где и к прямому возмущению купивших билеты посетителей. И что же сегодня сумели выяснить опытные журналисты нашей газеты?

Вы не поверите, в девяноста восьми случаях из ста золотые украшения были подменены вульгарной полированной латунью!!! Крайне опечаленный лорд Теккерей удалился в чрезвычайном огорчении, его светлость впоследствии впал в праведный гнев и объявил о намерении подать в суд на Скотленд-Ярд, требуя от главы полиции инспектора Хаггерта полного возмещения всех финансовых издержек плюс компенсации морального ущерба. Это справедливо!

Сам инспектор от комментариев прессе категорически отказался, ссылаясь на участие в данном вопросе некоего месье Ренара, который якобы является единственным и полноценным консультантом полиции по этому запутанному делу. Редакции удалось выяснить, что этот самый Ренар по факту является не британцем, не шотландцем и даже не ирландцем, а французским подданным. Его настоящее имя месье Ренье, он проживает в Лондоне по адресу...» и так далее. Ничего более существенного они, разумеется, не смогли нарыть.

– Сэр?

– Да, мой мальчик.

– Памятуя того же Шеспира, мы в заднице?

– О, уверяю тебя, это ещё самое мягкое выражение...

Лично я закусил нижнюю губу, дабы не задавать лишних вопросов и не влезть в ещё большие серьёзные неприятности. То есть, спаси меня от бед Ньютон-шестикрылый, по факту мы и так были в них по уши! Или глубже, нет? Нет, глубже некуда.

Но, с другой стороны, есть же некоторая разница между *нашими* проблемами и проблемами *моими*? Наши ложатся на плечи моего рыжего работодателя, а личные, разумеется, обязан расхлёбывать я сам. А у меня на это ни времени, ни сил, ни желания.

– Я всё записал, сэр!

– Отлично, Майкл, – даже не глядя на меня, в сторону бросил Лис. – Тебя устраивает прежнее имя или, может, поменять его на Александр, Георг или Ричард?

– Меня всё очень даже устраивает!

– Как прошли твои занятия? Надеюсь, старина Шарль не халтурит?

– О нет! Поверьте, сэр, он не даёт мне ни минуты поблажки, – возможно, слишком поспешно заявил я, но месье Ренар благодушно кивнул:

– Отлично, тогда ты можешь провести время в лаборатории. Примерно в семь пополудни мне понадобится твоя помощь.

Спрашивать, где между двенадцатью дня и девятнадцатью вечера помещается мой законный обед, явно не стоило. Ренар, как и всякий истый француз, был до глубины души уверен, что мы едим для того, чтобы жить, а не живём для того, чтобы есть! Представляете?

Думаю, добрая половина Великобритании предала бы его за такие мысли торжественному сожжению на костре, назвав это национальным праздником, но конец девятнадцатого века диктовал иные взаимоотношения между людьми и более толерантные законы миропорядка.

Поэтому я без споров, скандалов и прочего послушно удалился в мастерскую, на полпути втихую получив от дворецкого бумажный пакет с двумя бутербродами. По-британски это должны были быть сэндвичи. Но старина Шарль в определённых случаях почему-то отдавал должное немецкой кухне, старательно готовя именно бутерброды.

Моя работа в лаборатории сегодня совершенно не клеилась. Та полицейская дубинка, над усовершенствованием которой я упорно трудился в свободное время, была практически закончена.

Резиновая основа, небольшой по мощности аккумулятор в рукоятке, тугая пружина, дающая гарантированный выстрел на два-три шага, длинная, острая игла на тонкой стальной проволоке и электрический разряд, способный вырубить на несколько минут полноценного взрослого мужчину. Поверьте, я почти добился, чего хотел, но...

Увы, месье Ренар, внимательно следивший за моими успехами, весьма сдержанно похвалил мою работу и признал, к своему огромному сожалению, что в ближайшее время полиция вряд ли перейдёт на этот вид оружия. По его словам, руководство Скотленд-Ярда всегда будет больше заботиться о соблюдении неких своих старых добрых традиций, чем о безопасности низших чинов.

Наши бедные бобби по-прежнему будут выходить на лондонские улицы, защищённые простым чёрным мундиром, вооруженные короткой деревянной дубинкой и, самое главное (!), гарантией королевы, что полиции должны подчиняться невзирая ни на что! Ибо это полиция самой Великобритании! И служит она от лица её величества, поняли, преступники, а?!

Весь этот патриотический бред утверждался палатой лордов, притом что редкий горожанин в наши времена не носит при себе хотя бы складной нож. Солидные джентльмены ходят с тяжёлой палкой, набалдашник которой залит свинцом, сельские сквайры не расстаются с дробовиком, а купить пневматический армейский револьвер вообще не проблема. Случись что, простые лондонцы вполне способны и сами за себя постоять, не дожидаясь помощи от слабо вооружённой полиции.

Однако пытливый ум подростка не давал мне покоя. Если Скотленд-Ярду не нужны мои изобретения, то, быть может, они найдут своё место в практике частных лиц? Допустим, вы практикующий врач или санитар, вам нужно быстро успокоить какого-нибудь буйного пациента – подходите, слегка хлопаете его по плечу, и он падает!

Секрет прост, в вашей ладони находится металлическая пластинка, в нужный момент позволяющая нанести мгновенный удар электрическим током. Оставалось лишь придумать, как именно должно функционировать это устройство, чтобы не причинить вреда самому владельцу. А то получится, что тот же доктор по запарке нажмёт не ту кнопку и сам получит мощный электрический заряд на радость всей клинике умалишённых.

– Значит, пойдём самым простым путём. – Подумав, я решил обойтись без предварительных чертежей. – В конце концов, маленький разряд ещё никому не...

В себя я пришёл уже на полу. Старый дворецкий методично похлопывал меня по щекам носком начищенного ботинка. Кажется, меня неслабо шандарахнуло током.

– Месье Ренье ждёт.

– Пжлста, одна... минута... и я...

– Очень ждёт, – равнодушно подтвердил он, и у меня пропало малейшее желание спорить.

Наоборот, как всякий британец, пользующийся от рождения священным правом свободы выбора совести, веры и слова, я кое-как встал на карачки и по-собачьи пополз вверх, сипло выдыхая после каждой пройденной ступеньки. По-моему, я ещё слегка искрил на ходу.

Старый дворецкий отворачивался от случайных разрядов молний. Месье Ренар, или Ренье, как кому угодно, ожидал меня в гостиной, попивая свой любимый кофе по-бретонски. Не знаю, с чего он решил, будто бы бретонцы смешивают кофе с коньяком в пропорции один к трём. Я не задавал столь неуместного вопроса, да и мой рыжий учитель не спешил, образно выражаясь, раскрывать все карты.

– О, Майкл, ты заставляешь меня нервничать. – Лис вальяжно развалился в кресле, помахивая хвостом, попивая кофе, и вид у него был абсолютно флегматичный. – Мне послышалось, будто бы в лаборатории гроыхнул небольшой взрыв. Ты уверен, что рискованные опыты с электричеством не вредят твоему здоровью?

Я чуть дёргающейся походкой шагнул вперёд, храбро выпил весь оставшийся кофе по-бретонски и, постучав себе кулаком в грудь, кивнул:

– Нет, сэр. Они очень даже полезны.

Мой наставник, поморщившись, экспериментально ткнул в меня серебряной ложечкой и получил ответный удар током!

– Изрядно-о, – протянул он, вставая и дуя на пальцы. – Наверное, мне стоило предупредить тебя, что Шарль закупил в лабораторию более мощные аккумуляторы. Но я думал, ты и сам разберёшься или, по крайней мере, наденешь резиновые перчатки.

Угу. Меня, между прочим, из собственных ботинок выкинуло, а перчатки вообще к потолку прилипли. С другой стороны – это же эксперимент и любой результат, положительный или отрицательный, всё равно является результатом.

– Как я понимаю, поесть ты не успел? Всё равно собирайся, Шарль приготовит тебе бутерброды в дорогу. Через пару минут за нами пришлют кеб.

– Хорошо, сэр. Вы говорили взять с собой...

– Нет, ничего не бери! Пока твои изобретения взрывоопасны даже для тебя самого. Отправимся налегке.

Я хотел сказать ему, что дубинка с электрошокером вполне безопасна и даже уже прошла полевые испытания. Во-первых, на мне лично, во-вторых, на восковой кукле мадам Вонг. Поэтому, наверное, не будет большой самонадеянностью с моей стороны тихо сунуть экспериментальный образец во внутренний карман толстого двубортного пиджака, под лёгкий макинтош. Разумеется, без разрешения.

Сам Лис одевался несколько более экстравагантно, он мог позволить себе сочетать классический английский стиль с вольными экспериментами французской моды. К примеру, надевая лиловый жилет под коричневый фрак или остроносые жёлтые туфли под короткое чёрное пальто.

Ему шли абсолютно все головные уборы – кепи типа гаврош, пробковые тропические шлемы, русские военные фуражки, французский кивер, британский цилиндр, бюргерский котелок и даже широкополые испанские шляпы и соломенные канотье венецианских гондольеров.

Многие считали меня красивым мальчиком в общепринятом смысле этого слова. Но иногда я просто завидовал своему рыжехвостому учителю, обладавшему невероятным талантом быть элегантным абсолютно во всём, не переходя границы, и всегда нравиться людям.

Женщины сходили от него с ума! И наверняка в его жизни были какие-то бурные сердечные страницы, но, как истинный джентльмен, он никогда не обсуждал это со мной. Я, кстати, никогда и не спрашивал, бабушка научила меня такту...

Когда мы вышли из дома, паровой кеб как раз давал приветственный свисток, и нам качнул кудрявым чубом неизменно улыбающийся донец. Лис тоже вежливо кивнул ему, а потом многозначительно приложил палец к губам.

Фрэнсис тут же захлопнул лошадиную пасть, сделал круглые глаза и указал копытом вверх. Мой учитель сокрушённо покачал головой, сделал шаг вперёд и подтолкнул его копыто ещё выше. Рыжий кебмен охнул, на чём их молчаливый диалог естественным образом прекратился. Мы сели к Фрэнсису, заперев за собой дверцу. Даже мне было ясно, что до конца поездки мы не услышим от него ни слова, не то что длинной русской песни, терзающей мой слух.

Сам месье Ренар также ехал молча, рассеянно полуприкрыв глаза, его губы беззвучно шевелились, словно он проговаривал про себя какую-то речь. И только в конце пути, когда кеб уже практически остановился у освещённого здания Британского музея, он решительно потянулся, зевнул, и лицо его приняло самое сосредоточенное выражение. Он был готов к бою.

– Подождёшь нас, приятель? – бросил вознице Лис, выходя вслед за мной из кеба.

– То просьба или приказ?

– Просьба всего Скотленд-Ярда.

– Приказ, стало быть. – Рыжий донец почесал в затылке. – Добро же тебе, Лисицын, товарищей подставлять.

– Считаю, что ждёшь клиента, оплата почасовая. Как понадобишься, тебя позовут.

Жеребец угрюмо всхрапнул, подняв воротник плаща, но кеб с места не тронул. Мы же пошли по ступенькам в музей.

– Сэр, вы не слишком строги с ним?

– Иногда приходится.
– Но ваш друг, похоже, немного обиделся.
– Мужская дружба держится на постоянном выяснении, кто тут главный. Доминантная среда, – сухо ответил он, явно не желая продолжать разговор.

Мне продолжало казаться, что в данном случае мой учитель глубоко не прав, но разбираться времени не было, в фойе нас ждали инспектор Хаггерт и четверо рослых констеблей.

– Добрый вечер, джентльмены, – слегка приподнял цилиндр мистер Лис. – Вижу, я здесь один представляю «близких к природе». Под вечер погода значительно ухудшилась, ночью обещают дождь, хорошо, что мы все под надёжной крышей, не правда ли?

– Разумеется. Да. Действительно, сэр, – вежливо ответили ему.

– Инспектор, вы позволите вас на минутку?

– Ренар, у меня нет секретов от моих людей, – спокойно ответил мистер Хаггерт. – Говорите как есть, здесь и при всех. Мы имеем право знать, какие опасности подстерегают нас на этой проклятой египетской выставке.

– Что ж, вы правы, – рассудительно согласился мой учитель. – Итак, опасностей две на выбор: умереть от скуки или вывихнуть челюсть в процессе зевания. Если мои умозаключения верны, то беспокоиться стоило бы мне и таким, как я.

– То есть только животным? – переглянулись полицейские.

Инспектор кашлянул в кулак, и его подчинённые виновато умолкли.

– Не стоит, джентльмены, я не обидчив. – В мягком тоне Лиса чувствовалась настолько плохо скрываемая ярость, что все невольно опустили глаза в паркетный пол. – Вы позволите мне пригласить для эксперимента своего друга? То есть «близкого к природе».

– Делайте, что считаете нужным, Ренар, – ответил за всех Хаггерт. – Располагайте нами.

– Мальчик мой...

– Уже бегу, сэр!

Буквально через пять минут ценой невероятных усилий мне удалось втолкнуть в фойе упирающегося жеребца. Фрэнсис был крайне смущён, скалил зубы, фыркал горячим паром, стучал копытами, прижимал уши и косил глазами во все стороны.

Чувствовалось, что, несмотря на дружбу с Лисицыным, к лондонской полиции он не питал особого доверия. Хотя вроде бы донец состоял в конском профсоюзе, работал абсолютно легально и проблем с законопорядком не имел. По крайней мере, ранее я о них не слышал.

– Что ж, джентльмены, позвольте представить вам моего доброго друга и надёжного товарища кебмена Фрэнсиса из Новочеркасска.

– О да, сэр, мы отлично его знаем, – угрожающе сдвинул брови один из констеблей, и остальные поддержали его согласным возмущением. – А вы наверняка не в курсе, что этот тип шестнадцать раз задерживался за управление кебом в нетрезвом виде, на него больше полусотни жалоб от пассажиров, а уж о неоплаченных штрафах за парковку и превышение скорости...

– Вы намекаете, что я не способен разобраться в выборе друзей? Рискнёте это повторить?!

Инспектор решительно встал между Лисом и полисменами, стукнув тростью об пол.

– Сейчас же прекратить! В конце концов, вы все цивилизованные люди, более того, облечённые властью и обязанные блюсти честь мундира. До окончания расследования я категорически запрещаю любые препирательства!

– Но, сэр, это же тот самый Фрэнсис...

– Любые, сержант! – рявкнул мистер Хаггерт, душа конфликт в зародыше. – А вы, Ренар, чёрт вас побери, делайте своё дело!

– Прошу за мной, джентльмены, – вежливо попросил мой учитель.

Все повиновались без малейших пререканий. Как я понимаю, вход в здание Британского музея оставался свободным, но выставка египетской коллекции лорда Теккерей была закрыта для посетителей. У опечатанного входа стоял полисмен. Увидев нас, он вытянулся и козырнул.

– Добрый вечер, сэр! На вверенном мне посту ничего подозрительного не случилось, сэр!

– Докладывайте, – ограничившись строгим кивком, потребовал инспектор Хаггерт.

– Посетителей не пропускали, сэр. Журналисты вечерней «Таймс» пытались задавать вопросы, но я молчал, сэр!

– Технический персонал произвёл уборку? – неожиданно спросил мой учитель.

– Само собой, сэр, – бросив вопросительный взгляд на начальство, всё же ответил констебль. – Четверо уборщиков вышли час назад, сэр. Ещё вопросы, сэр?

– Благодарю за службу, – буркнул инспектор. – На сегодня вы свободны, отдыхайте. Эти джентльмены сменят вас.

На месте ушедшего полисмента встали двое из тех, что пришли с нами.

Мы же, сняв ленту с печатью, всей разношёрстной группой шагнули внутрь уже знакомого мне зала с египетской выставкой.

– Мальчик мой, включи свет, – тихо попросил мистер Лис. – Итак, джентльмены, предлагаю всем хорошенько оглядеться, после чего мы некоторое время посидим в полной темноте.

Констебли сразу заняли позицию у входа и окон. Могучий жеребец тихонечко пошёл по кругу, обозревая витрины и храня максимально покаянный вид. Инспектор не спеша снял котелок, вытер лоб платочком, шумно высморкался, обошёл все витрины, постучав по стеклу пальцами, и вопросительно обернулся:

– Что ж, признавайтесь, Ренар, вы ведь наверняка что-то задумали.

– Что видите в витринах?

– Ну, это явная латунь. Хотя и весьма хорошей работы. Надо бы проверить и камни?

Мой учитель широко улыбнулся, потом вдруг рявкнул:

– Фрэнсис! Фу-у!!!

Рыжий кебмен в коричневом пальто, с любопытством рассматривающий главный саркофаг, от такого окрика едва не отпрыгнул к дверям.

– Старина, это же музейный экспонат, куда ж ты прёшь с нечищеными копытами?!

Донец ничего не ответил, но сдвинул брови, явно обидавшись. Обычно крайне тактичный Лис словно бы и не заметил этого, вновь повернув голову к инспектору.

– По факту мы имеем дело с классическим преступлением в замкнутом пространстве. Комната, как видите, обладает всего одним входом-выходом. Окна узкие, рамы крепкие плюс внешние решётки, к тому же выставка на втором этаже, а учитывая высоту потолка, я бы исключил саму возможность незаметно пробраться сюда снаружи.

– Но между тем кто-то подменил золотые украшения на латунь.

– Ах, бросьте, как раз это самое простое, – взмахнул хвостом месье Ренар, несколько театрально поклонившись инспектору. – Уверен, вы и сами можете назвать имя преступника.

– Полиция предполагает, что в деле может быть замешан уборщик. Я прав?

– Браво, инспектор! Конечно, вы правы, ведь только уборщики заходят сюда навести порядок. Но как именно они это сделали? Витрины заперты, ключи всегда у сэра Теккерера, стекло очень толстое, а констебль за дверями наверняка бы заметил хоть что-то, поскольку он обязан их обыскивать? К тому же это никак не объясняет наличие страшных звуков, так напугавших бесстрашного сержанта Гавкинса.

– Дьяволыщина какая-то получается... – угрюмо подтвердил мистер Хаггерт.

– Наоборот, всё до безобразия просто, – кротко вздохнул мой учитель. – Я охотно объясню, но сначала, Майкл, будь добр, выключи электрический свет. Джентльмены, прошу всех ничего не предпринимать, только слушать.

Я послушно нажал переключатель на стене. Лис встал рядом, тихо шепнув:

– Держись за моей спиной. Когда Фрэнсис бросится наутёк, постарайся не попасть ему под копыта.

– Что, сэр?!

Ответа я не получил, вместо этого потянулись тяжёлые минуты ожидания. В почти полной темноте раздавалось лишь напряжённое мужское дыхание и сопение. Потом в эту скучную симфонию стали вплетаться другие, незнакомые звуки.

На первый взгляд вроде бы ничего особенного, так, какой-то невнятный скрежет, скрип половиц или оконных рам, лёгкий отзвук чьих-то шагов, потустороннее бормотание, отдалённая древняя мелодия на неизвестном инструменте или нечто подобное в этом роде. Да оно, помнится, и в прошлый раз имело место быть, что никак не помешало нам выспаться.

Но вдруг могучий донской жеребец наострил уши, дернулся, попытался прикрыть уши, захрипел и, резко развернувшись, с диким ржанием бросился из зала вон, едва не смяв за дверью двух полисменов. Бешеный стук его копыт гулким эхом раздавался по всему коридору.

– Майкл.

– Пресвятой электрод, а-а... что?!

– Включи свет, Майкл, – тихо попросил меня Лис.

Я послушно щёлкнул выключателем.

– Что это было, сэр? – ошеломлённо выдохнул инспектор, обращаясь к моему учителю.

– В смысле?

– Я говорю, что это было, уважаемый сэр? – на тон громче повторил мистер Хаггерт, и к нему присоединились суровые полисмены.

Месье Ренар жестом попросил минуту молчания, аккуратнейше вытащил из ушей две большие ватные пробки и, шагнув вперёд, бесстрашно откинул крышку большого саркофага.

– Джентльмены, позвольте представить вам хитроумного лорда Теккерей – жертву кражи, вора и мошенника по совместительству.

Из саркофага на нас насупленно уставился немолодой мужчина в сером халате уборщика. Его холёное лицо в обрамлении жидких волос и пышных бакенбард было искажено гримасой раздражения и брезгливости, а в руках всё ещё крутилась маленькая музыкальная шкатулка. Издававшая, впрочем, какой-то левый шум и скрежет.

– Лорд Теккерей?

– Инспектор?

– Не ожидал встретить вас здесь. – Слегка поклонившись, глава полиции первым пошёл в атаку: – Не соблаговолите ли сказать, что вы тут делаете?

– Исполняю ваши обязанности! – с отчаянным вызовом откликнулся лорд. – То есть самолично чиню охрану моей же коллекции.

– Вы надеялись задержать грабителя?

– Почему бы и нет? Ведь вы, дорогой Хаггерт, не только профукали принадлежащие мне египетские драгоценности, но даже не нашли ни одного подозреваемого.

– А что у вас в руках, сэр?

– Так, игрушка, – без малейшей тени смущения ответил этот скользкий тип. – Её собрал один известный механик в Германии. Крутишь ручку, и производимые звуки отпугивают животных. Единственная вещица в своём роде!

Инспектор обернулся к Лису. Тот молча кивнул.

– Вот, значит, как пострадал мой сержант Гавкинс, храбрый парень, беззаветно преданный службе, но он из «близких к природе».

– Что ж, я рассуждал так же, – нагло ухмыльнулся лорд Теккерей. – В конце концов, эти разумные животные получили равные с нами права. Разве не было бы логичным предположить, что кто-либо из них отважится на кражу?

Мистер Хаггерт ещё раз встретился взглядом с моим учителем и продолжил, не позволяя себя сбить:

– Позволю себе уточнить: то есть после совершения кражи и подмены золотых экспонатов латунными вы вдруг решили поиграть в сыщика?

– Инспектор, ваша ирония неуместна.

– А вы не ответили на мой вопрос.

– Ваш вопрос бестактен!

– Прошу простить мою прямолинейность, но спрошу иначе: если вы узнали о краже только вчера и уже сегодня залегли в столь странную засаду, каким образом мой сержант мог пострадать от вашей машинки два дня назад?!

– Я... я не обязан перед вами отчитываться!

– Ренар? – Инспектор Хаггерт уступил нить разговора моему наставнику.

Тот слегка поклонился всем, кроме лорда Теккерей, и самым спокойным, я бы даже сказал, будничным тоном начал:

– Что ж, джентльмены. Раз в этом деле была затронута моя честь как частного консультанта Скотленд-Ярда, а также благородное имя инспектора Хаггерта и (что важнее всего!) бесценное здоровье нашего общего друга сержанта Гавкинса, мне ничего не оставалось, как, образно выражаясь, засучить рукава. В первую очередь меня заинтересовала сама личность благородного мецената, подарившего Лондону возможность лицезреть его редчайшую коллекцию египетских древностей. За каких-то два часа, проведённых в одном пабе с грумом его светлости, я выяснил, что высокородный лорд не платит ему уже полгода!

– Это клевета! – попытался выкрикнуть Теккерей, но слушали не его.

– Наш меценат отчаянный игрок, а потому по уши в долгах, – хладнокровно продолжал мой наставник. – Я поговорил с простым зрителем выставки, с изумлением узнав, что музейные специалисты даже не осматривали её, полностью доверившись «авторитетному мнению устроителя». Джентльмены, вся эта «экспозиция» была насквозь лживой с самого начала! Никому не понадобилось выносить никакого золота, поскольку его здесь изначально не было. Лорд Теккерей положил под стекло латунь, будучи в полной уверенности, что это сочтут золотом, ибо просто никому в голову не придёт мысль усомниться в слове благородного аристократа. А дальше всё просто: мистический флёр, таинственные звуки, «похищение» драгоценностей коллекции... и законное требование компенсации утрат от ни в чём не повинного Скотленд-Ярда.

На пару минут повисла напряжённая тишина. Потом лорд-мошенник несколько раз медленно, с расстановкой хлопнул в ладоши. На его лице блуждала брезгливая улыбка.

– О, всё это очень интригующе, но, как я понимаю, абсолютно недоказуемо?

– Увы, – честно развёл лапами месье Ренар.

– Тогда я должен кое-что прояснить для вас, джентльмены. Во-первых, всё сказанное здесь лишь слова, от которых я откажусь в любой момент, поклявшись своим именем на Библии. Во-вторых, я засужу ваш хваленый Скотленд-Ярд, и вы всё равно выплатите мне всё до последнего пенни. А в-третьих... ах, что-то мне стало скучновато. Пожалуй, я пойду домой.

Все молчали. Лорд Теккерей развернулся к дверям, сделал вид, что с трудом сдерживает зевоту, и напустился на меня:

– С дороги, мальчишка!

Не берусь судить, руководствуясь каким-либо странным наитием или ментальным же указанием моего наставника, я сунул руку в карман и, вытащив свою «экспериментальную» полицейскую дубинку, нажал пуск!

– А-а-а-е-е-а-уй-ё-о!!!

Мне не было стыдно за свой труд, всё сработало как надо. Игла вонзилась лорду Теккерей прямо туда, куда он, видимо, меньше всего рассчитывал её получить. Ну то есть я стрелял от бедра, низко, на уровне своего роста, особо не целясь и...

Ньютон-шестикрылый, надеюсь, что у лорда Теккерей уже есть дети? Потому что в противном случае, судя по его пронзительному писку и явному звуку треска скорлупы...

– Мы слышали достаточно, чтобы опротестовать любой иск в адрес полиции, – уверенно оповестил инспектор Хаггерт. – Ренар, с меня причитается!

– Если речь о деньгах, то переведите их на сливки для нашего всеми любимого сержанта, – под суровые мужские аплодисменты скромно закончил Лис.

...И только на следующий день, после завтрака и прочтения утренней «Таймс», он снизошёл до хоть каких-то объяснений:

– По правде говоря, с нашим братом-аристократом всегда надо держать ухо востро. Старины Теккерей известен на весь Лондон своим нездоровым пристрастием к карточной игре, он завсегдатай четырёх клубов, его имущество дважды описывали за долги, он промотал практически всё состояние своей некрасивой жены, но тем не менее наша полиция всегда готова закрыть глаза на действия человека, принадлежащего к высшему свету и имеющего связи. Если бы он потребовал деньги у страховой компании, уверяю тебя, мальчик мой, ему бы всё сошло с рук.

– Но он имел глупость или дерзость обвинить во всём Скотленд-Ярд, – понимающе кивнул я, берясь за электрическое автоперо.

– Скорее всё-таки глупость, – согласился со мной Лис.

По его знаку старый дворецкий подал вторую чашечку кофе по-бретонски. Считается, что по правилам в этот напиток должен входить крепкий чёрный кофе, две ложечки сахара и классический бренди, но месье Ренье предпочитал добавлять французский коньяк.

– Взбешённый Хаггерт, у которого в подобных ситуациях связаны руки, лично попросил меня разобраться с этим делом. Второй ошибкой лорда-мошенника стало упоминание моего имени в контексте интервью, данного его светлостью прессе. В первый же наш приход на выставку я сразу понял, что большая часть экспонатов фальшивки. И да, меня также очень заинтересовал саркофаг, хотя бы потому, что от него буквально несло специями.

– Благовониями, – поправил я.

– Нет, в том-то и дело, что именно специями, – твёрдо поправил мой учитель. – Запах карри и чёрного перца способен отбить нюх на неделю у любой собаки.

– То есть сержант Гавкинс...

– Подвергся двойному удару! Он получил шок для обоняния, а вслед за этим убойную дозу режущих слух звуков. Они почти не улавливаются слухом человека, но любого из «близких к природе» способны довести едва ли не до помешательства. Что мне и пришлось продемонстрировать на бедняге Фрэнсисе. А лёг я, просто заткнув уши перчатками.

– Сэр, вы знали о звуках! А кебмен на вас сильно обиделся.

– Мы помиримся, у русских отходчивая душа, – без особой уверенности решил месье Ренар. – В крайнем случае я честно позволю ему от души дать мне копытом по морде, и мы будем квиты. Возвращаясь к теме нашего разговора, мне категорически важно было присутствие инспектора и свидетелей, а тот факт, что лорд Теккерей мог свободно входить и выходить, лишь накинув на себя халат уборщика, не вызвал сомнений даже у тебя, верно?

– Сэр, я лишь предполагал. Поскольку никаких иных возможностей проникнуть в охраняемое помещение у преступника не было, остаётся признать, что он находился в этой комнате изначально.

– Метод «бритвы Оккама»: мы отсекаем всё невозможное, а оставшееся и будет истиной. Единственное, чего мы точно не могли гарантировать, так это факт наказания злодея.

– Но... разве лорд Теккерей останется на свободе?!

– Само собой! – искренне удивился Лис. – И он даже не предстанет перед судом, у него ведь такие связи...

– Это несправедливо, – сдвинув брови, надулся я.

– Зато полностью соответствует традициям нашей всеми любимой Великобритании, – наставительно поднял палец мой рыжий наставник. – Я понимал, что единственная возможность преподать ему урок лежит вне правового поля. Поэтому и позволил тебе взять своё изобретение.

– Так вы знали?

– Майкл, мальчик мой, само собой, я просто обязан знать всё, что происходит у меня в доме! К тому же у тебя оттопыривался нагрудный карман, и ты порой излишне пылок. Что было мне на руку.

– Но почему...

– Шарль? – перебил он меня.

– Да, месье, – глухо ответил дворецкий. – Телеграмма из Скотленд-Ярда пришла ещё два часа назад. Они хотят закупить пять таких экспериментальных дубинок. Просто на пробу, но платят щедро.

Я не поверил своим ушам. Пресвятой электрод Аквинский, неужели у меня есть заказ?!

– Не было другого шанса продемонстрировать инспектору твоё изобретение в условиях, максимально приближенных к боевым, – зевнул мой учитель, салютуя мне чашечкой кофе. – В конце концов, это не худшее развитие сюжета. Ты уже придумал, как назвать свой электрошокер?

– «Коварный Лис».

– Почему нет? Мне нравится! Маленький льстец...

Глава 2

Орден святого Енота

Утро началось как всегда. Подъём, умывание, переодевание, лёгкий завтрак в английском колониальном стиле и тренировка. Сегодня старый дворецкий торжественно вручил мне короткий шест, примерно в мой рост, молча поклонился и, ничего не объясняя, пошёл в атаку.

Первые две-три минуты я ещё вполне себе помню. Потом мгновенный удар в голову, – и полная темнота накрыла меня, как театральная занавес. Вечностью позже появились потусторонние голоса...

– Шарль, я же говорил, что сегодня мальчик должен навестить бабушку.

– Месье, я был крайне осторожен с ним.

– Тогда какого чёрта он при смерти?

– Просто поскользнулся. Роковая случайность, месье.

– Что ж, значит, когда он придёт в себя, вы лично сопроводите его до дома милой старушки, а потом вернёте обратно.

– Слушаюсь, месье.

– И?

– Уверю вас, больше такого не повторится.

Примерно на этом моменте мне удалось кое-как открыть глаза.

Голова ещё кружилась, перед внутренним взором плыли круги, а надо мной склонились три учителя и три дворецких. Говорят, после прямого удара табуреткой в лоб и не такое бывает.

Но точно ли это была табуретка? Меня терзают смутные сомнения, наверное, он всё-таки ударил меня чем-то вроде Тауэрского моста или башней Биг-Бена. Это уж как минимум!

Примерно через час после вышеописанных событий, которые, в свою очередь, и спровоцировали данный диалог, я своими ногами вышел из дома месье Ренара. Свернул налево, но был перехвачен и развёрнут в прямо противоположную сторону. Шёл пешком довольно долго, в нужных местах меня за шиворот выдёргивали из-под бешено несущихся паровых кебов, а в иных случаях, наоборот, пинком под зад увеличивали чисто скорость движения.

Я, честно говоря, мало что соображал. Мир вокруг продолжал двоиться и троиться самым безобразным образом. Э-э, напомните, безобразный образ – это тавтология или оксюморон? Не важно...

– О, недоносок явился!

Голос показался мне смутно знакомым, хотя все попытки его идентифицировать наткнулись на ватную стену полного равнодушия головного мозга. Ничто не желало со мной работать – ни голова, ни руки, ни ноги, представляете?

– А чё это за старый хмырь рядом с ним? Лысый, как коленка, и тощий, словно циркуль. Эй, мелкота, а где та расфуфыренная девчонка, ну, кудрявая француженка со смешным акцентом. Скажи, и мы не будем тебя бить.

– Гарсон, сильвупле, – прозвучал откуда-то с небес просительный голос старого дворецкого. – Либери ля рут!¹

– Эй, братва! Гляньте, а этот старикашка тоже французик и чё-то там ещё умоляет на своём лягушачьем языке... Ха!

Я устал. Прикрыл глаза, прислонившись к стене ближайшего дома, и полностью попытался отключить слух. Да, по совести говоря, там и слушать-то особенно было нечего. Так,

¹ Мальчик, пожалуйста, освободите дорогу! (фр.) – Здесь и далее примеч. авт.

свистящие звуки ударов и крики боли, иногда громкие, иногда приглушённые, а иногда плохо сдерживаемые вплоть до единого, полного слёз и обиды хорового вопля:

– Вив ля Франс!²

Когда я открыл глаза, банда Большого Вилли полным составом стояла на коленках, размазывая кровавые сопли и лихорадочно пытаясь припомнить слова Марсельезы!

По-моему, получалось не очень, но парни старались, как могли. Старина Шарль невозмутимо дирижировал чьим-то отобранным кинжалом, и, чтобы не слушать этот бледный хор, я перешёл через улицу и постучал в двери. То есть собирался постучать, но на пороге резко возникла бабуля.

– Это кто разорался у меня под окнами?! Я вам покажу, как петь всякие французские непристойности на земле старой доброй Англии! Кто тут главный, выходи, задушу собственными руками!

– Мадемуазель? – Наш лысый дворецкий церемонно приподнял котелок.

Бабуля только взглянула на него, и в её взоре сверкнула зелёная искорка.

– Шарль, кудряшка-милашка? Ты ли это, лионский проказник?

– Мэри? – не сразу выговорил мой мучитель.

Клянусь, я впервые увидел, чтобы у него вдруг подогнулись колени, а в глазах блеснула влага.

– Мэри Три Виски Джобкинс, ты ли это? Птичка На Проводе, Голубая Лагуна, Белый Попугай, Хромая Лошадь? Не может быть, чтобы все годы разлуки, убившие меня, были к тебе столь радостно благосклонны!

Ньютон-шестикрылый, порази меня электрическим разрядом с небес, если это не был самый длинный монолог Шарля на моей памяти. Либо творится что-то невероятное, либо старый боксёр при всех, внаглую, совершенно бесстыже и не по-британски заигрывает с моей бабулей?!

Я, неуверенно держась за стену, проскользнул в дом, пока эта парочка, воркуя, вспоминала, где и когда они в последний раз виделись. Уже из дверей я, обернувшись, быстро подмигнул Большому Вилли, который, правильно поняв мой знак, на четвереньках пополз в сторону.

За ним так же по-черепашьи ушла вся его битая компания. Называть её бегущей с поля боя в эту минуту было бы слишком претенциозно. Так, кучка жалких, сопливых уличных хулиганов, в хлам побитых стареньким лысым дворецким-французом. Короче, хвастаться нечем.

Я успел спрятаться в своей комнате и некоторое время с повышенным вниманием прислушивался к тому, что происходит между моей бабушкой и Шарлем. Не знаю даже, что именно в данный момент мне (тайно!) хотелось услышать, целомудренное воспитание Викторианской эпохи попросту не допускало никаких излишних фантазий в шаловливом романском стиле. Я имею в виду стиль итальянского романа, а не династию Романовых в заснеженной России, если кто не понял.

Итак, разговоры в нашем доме затянулись, наверное, на целый час. Я даже начал зевать, поскольку ничего интересного явно не происходило. Эти двое хлестали принесённый мной дешёвый виски, взятыг курили американский табак и яростно спорили друг с другом на мутной смеси англо-французско-испанско-португальского и, кажется, ещё уэльского языков. Да пресвятой электрод, я никогда не видел своего драчливого дворецкого таким весёлым и так мило болтающим.

– Так мальчишка твой внук, Мэри? Я должен был догадаться, у него твои глаза...

– А ты, значит, и есть тот дворецкий, что лупит его каждый божий день? Лупи и дальше!

– Только ради тебя, Мэри, только ради тебя...

² Да здравствует Франция!

Я больше не мог это слушать, пусть меня увольняют, в конце концов всегда есть шанс перейти на службу в Скотленд-Ярд или в русскую разведку, меня приглашали. В общем, на улицу я практически выпрыгнул, демонстративно хлопнув дверью. То есть изо всех сил!

Мало того что этот тип бьёт меня куда ни попадая, так ещё он набивается мне в дедушки?! Не хочу, не желаю, не буду! Я протопал почти целый квартал, когда на перекрёстке меня оставил прихрамывающий Большой Вилли.

– Что, недоносок, сейчас ты без своей нянюшки? Поди, старый дурень решил задержаться у твоей бабули? Ну и дела творятся, а, парень?! Похоже, скоро мы услышим звон свадебных колокольчиков...

Больше он ничего не успел сказать, я одним плавным движением сбросил его руку со своего плеча, врезал кулаком в точку между грудью и животом, на возвратном движении впечатал локоть левой ему в подбородок, а когда он оседал, добил правым коленом в висок.

Могучий Большой Вилли рухнул на мостовую, словно мешок гнилых яблок. Его побитая банда была так ошарашена увиденным, что на меня даже не смотрели – их волновало падение вожака! Я спокойно отряхнул руки и, ни на кого не глядя, тем же ровным шагом отправился домой.

– Бей его! Он посмел ударить Вилли-и! – уже через минуту донеслось вслед.

Мой боевой запал довольно быстро улетучился. Их было шестеро, побитых, злых, наэлектризованных, а я один. Бежать от опасности казалось постыдным, принимать неравный бой – глупым, поэтому, когда откуда-то с хмуриющихся небес раздался мелодичный голос спасителя: «Не желаете кеб, молодой джентльмен? Погода портится», – я едва ли не на ходу запрыгнул в паровой кеб, управляемый старым сивым жеребцом в коричневом пальто с высоким воротником, и развалился на сиденье. Погоня остановилась на месте.

Никто и никогда бы не дерзнул приставать к пассажиру кеба, конский профсоюз смотрел на такие вещи очень строго, и нарушители жёстко карались на месте, без обращения в полицию. Кстати, иногда даже прямо наоборот!

Был случай, когда на Чаринг-кросском вокзале мелкий воришка успел впрыгнуть в проезжавший мимо кеб, а восемь констеблей пытались его оттуда выковырять. Так вот возница устроил опупительный махач, к которому быстро присоединились все кебмены вокзала и две дополнительные части полиции. Сражение было эпохальное, не хуже Ватерлоо!

Вора в конце концов задержали, но защищавшему права пассажира кебмену не было предъявлено никаких обвинений. Кони ушли полными победителями!

И это было очень разумное компромиссное решение. Полиция лишний раз подтвердила верховенство закона, а конский профсоюз вновь доказал лондонцам полную безопасность городских перевозок, кто бы ни нанял кеб.

Так что до дома я ехал под ритмичное пение какой-то дрянной кельтской песни из популярного мюзикла:

Короли полночной Праги
Полны пива и отваги!
Мы лихой удачи дети,
Пьём, что создано на свете!
И судьба за всё за это
Нас в психушку сдаст с рассветом!

Вот здесь, честно говоря, я даже на минуточку заслушался, хотя по факту речь в песне шла о банальной чешской пьянке в грязном кабаке с бурыми понтами и неизменной поножовщиной.

Но всё равно это был не Фрэнсис со своим донским фольклором, где любая мелодия вызывает лишь три желания: сплясать, поплакать и кого-нибудь убить. Нет, я вовсе не осуждаю целый народ, просто имею на этот счёт своё мнение, а это священное право каждого свободного британца!

Когда кеб остановился у Тауэрского моста, я честно расплатился и спокойным прогулочным шагом отправился домой. Постучав электрическим молотком в дверь, я замер в неслабом отупении... ибо мне молча отворил старый дворецкий.

– Месье Ренье ждёт.

Сказать, что у меня отвисла челюсть, задрожали колени, пробил пот под мышками, заплясали зубы, а ум зашёл за разум, значит, ничего не сказать. Как он мог оказаться здесь раньше меня?!!

Это противоречило всем законам физики (и здравого смысла тоже), если, конечно, старый хрыч не овладел искусством перемещаться по Лондону со скоростью света. А ведь последние эксперименты британских учёных с электричеством показали, что это вряд ли возможно. Но, похоже, не в случае со стариной Шарлем, этот тип может всё.

Я повесил на крючок свой модный плащ, переобулся в турецкие тапки без задников (каприз хозяина дома) и прошествовал в гостиную, где у разожжённого камина, в парчовом халате, удобно закинув хвост и положив ногу на ногу, восседал в мягком кресле мой учитель. У ног Лиса валялась пачка утренних газет.

– Ты голоден, мой мальчик? Шарль подаст обед. Я уже перекусил, так что давай не стесняйся.

Мне оставалось лишь рассеянно пожать плечами.

Разумеется, у родной бабули я и стакана воды не успел выпить, вы же знаете, не то что поесть. Буквально через минуту передо мной на маленьком столике стояла дымящаяся тарелка сырного супа с копчёностями и зеленью, кусок простого ирландского пирога с рубленой бараниной, два вида сыра, стакан яблочного сока, очищенный апельсин, маленький вишнёвый пудинг на десерт и чайничек зелёного чая со сливками. Ах да! Ещё имбирное печенье с изюмом.

Надо ли говорить, что следующие пятнадцать – двадцать минут я был слишком занят, чтобы о чём-то рассуждать, говорить или даже хотя бы слушать. Но стоило мне проглотить последний кусочек печенья, месье Ренар поднял на меня вопросительный взгляд.

– Майкл, ты что-нибудь слышал об ордене святого Енота?

Поскольку с обедом было покончено, я в свою очередь поудобней устроился в соседнем кресле, икнул, постучав себя кулаком в грудь, и честно признался:

– Увы, сэр. А должен?

– С одной стороны, нет. Это очень тайный орден, – задумчиво покрутил усы Лис. – С другой – если о нём знаю я, то почему бы не знать всем? Получается, что тайный орден не такой уж и тайный, верно?

– Вот именно, – поспешил согласиться я. – А в чём, собственно, дело?

– В том-то и дело, что ни в чём, – не очень удачно сформулировал мой наставник, обмахиваясь рыжим хвостом. – Мне совершенно нечем было заняться, и шутки ради я раскрыл существование тайного ордена святого Енота. Того самого, о котором едва ли не в открытую треплются газетчики-еноты на каждом углу.

Я наострил уши.

Месье Ренар кротко вздохнул и начал:

– Истоки философии ордена идут из книги Еноха. Как ты знаешь, именно англиканская церковь первой взялась духовно окормлять «близких к природе». Вслед за ней то же самое сделала католическая, а потом и православная церковь. Буддизм и так никогда не отрицал единство человека и животного, так что упирается пока лишь фундаментальный исламизм.

Либо это ненадолго, либо в ближайшем будущем данное противостояние приведёт к серьёзным проблемам. Но лучше отвлечься от теоретизирования по поводу далёкого будущего, попробуем заглянуть в недалёкое прошлое. Почему? Потому что именно оттуда пришло вот это письмо.

Я отставил в сторону чашку остывшего чая. Лис указал взглядом на письменный столик, где поверх кучи бумаг лежал грубый синий конверт без марки. Хорошо, беру, читаю.

– Мм, обратного адреса нет.

Мой учитель покосился на меня одним глазом и одобрительно кивнул, продолжай.

– Конверт грязный, мятый, без марки, значит, его кто-то сюда принёс и этот кто-то явно не почтальон, – ободрясь, продолжил я, понимая, что сдаю очередной урок. – Адрес написан старинным чернильным пером печатными буквами. И, сэр, как оно вообще сюда попало? Здесь же не указан номер дома, только улица и ваше имя.

Месье Ренар, подняв брови домиком, скорчил глубокомысленную гримасу, призванную изобразить полунасмешку-полупохвалу. В его жёлтых глазах играли весёлые зелёные искорки.

Ладно, я вспомнил популярные детективы, прочитанные мной несколько лет назад. И пусть мой учитель относится к этому с зевающим скептицизмом, это его проблемы.

– Конверт пахнет табаком, – принялся я и, подавляя отвращение, лизнул смятую бумагу. – Хм, на вкус ничего необычного. Чуть солоновато, и, наверное...

– Скорее всего, письмоносец носил его под мышкой.

– Фу-у, бя-а!

– Но в остальном ты совершенно прав, – откинувшись в кресле, лениво выдохнул Лис. – Осталось лишь сложить вместе все кусочки мозаики и назвать имя.

– Возможно, оно внутри конверта, в самом письме?

– О, неплохая попытка увильнуть, мой мальчик, очень неплохая. Но уверен, если ты несколько поднапряжёшься, то назовёшь имя.

– Ну... э-э...

– Имя!

– Но я не...

– Имя, чтоб тебя! – рявкнул месье Ренар, хлопая лапой по подлокотнику.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и бросил первое, что пришло в голову.

– Наверное, какой-нибудь енот!

Мой учитель бросился на меня рыжей тенью, схватил за горло и повалил на ковёр. Его оскаленная пасть остановилась в полудюйме от моего носа.

– Мальчик мой, – облизывая белоснежные зубы, прошептал он, – если ты хочешь жить долго и счастливо, то должен логически научиться подтверждать собственные дедуктивные выводы. Нельзя видеть улики и не понимать, *что* они тебе говорят. Да что там говорят, они вопиют в полный голос!

– Не енот? – придушенно пискнул я.

Лис застонал, встал и помог подняться мне. Он пригладил вздыбившуюся шерсть на загривке, кивнул и вновь опустился в кресло как ни в чём не бывало.

– Енот, разумеется, кто ещё разносит газеты по улицам Лондона. А ты сам отметил, что конверт грязный. На нём следы от типографской краски, видимо, кто-то дал письмо обычному газетчику, попросив сунуть письмо под дверь.

– Подкупить енота может каждый.

– Само собой, но согласись: одному еноту проще уговорить другого. Если мы добавим к этому устойчивый запах табака, то...

– Я вспомнил! Вспомнил, сэр! У нас был знакомый енот в деле о спасении рядового немца Штоллера. И он как раз работал в табачной лавке, его зовут... Минуточку, где мои записи, сейчас, я быстро...

– Его зовут Дрю. Енот Дрю из табачной лавки «Вирджиния Укурись В хлам», – небрежно бросил месье Ренье. – Ты должен учиться вести записи в голове. Кстати, и хранить их там же. Не стоит всё подряд доверять бумаге, она имеет свойство сгорать, понимаешь?

Я послушно кивнул. Урок был получен, но, к стыду моему, усвоен был гораздо позже. Что делать, вы читаете записи седобородого старика, который когда-то тоже был молодым. И сейчас с высоты своего возраста я готов честно признать все свои промахи и ошибки.

Это неотъемлемая часть взросления, если можно так выразиться. Старики чаще извиняются, даже если ни в чём не виноваты, забудьте, вернёмся к той запутанной истории. И должен признать, что, как меня ни натаскивал мой учитель, всё-таки хорошо, что сохранились почти все бумажные записи наших дел.

– Читай, мой мальчик, можно вслух.

– Да, сэр. – Я достал из конверта сложенный вчетверо кусочек бумаги и, как меня просили, прочёл вслух: – «Месье Ренар, вы обещали мне помощь и защиту, когда я помогал вам. Вы не забыли своего приятеля из табачной лавки, да? Уверен, что вы слышали об ордене святого Енота. Отличные ребята, правда?! А впрочем, бог с ними. Лучше бы вы зашли ко мне покурить и поболтать о том о сём. Например, как раз вчера к нам поступил ваш любимый сорт табака «Перик». Искренне ваш преданный друг, табачник-коммерсант Бэрримор. P.S. Для вас просто Дрю».

– Но... вы же вроде не курите, сэр?

– Майкл, не тупи, – рыкнул было Лис, хватаясь за голову, но тут же сменил гнев на милость. – Понимаешь, он боялся. Очень боялся, что это письмо может быть как-то просмотрено. Поэтому послал нам прозрачный намёк в виде названия сорта табака. Ты не обязан знать, но «Перик» очень непростой табачок. Американские индейцы использовали его как средство для медитаций. Они курили его с целью получения мистических видений, которые почитали божественным откровением от самого Маниту. Продолжишь поиск связи?

– Енот с просьбой о помощи, последователи ордена святого Енота, табак, вызывающий видения, – не спеша перечислял я, надеясь, что запомнил всё в правильном порядке. – То есть нам нужно навестить мистера Дрю?

– Я попросил тебя проследить связь, но ты предпочёл сразу выдать очевидное решение, – разочарованно передёрнул плечами мой наставник. – Что ж, возможно, мои требования к тебе слишком завышены. Лично я расшифровал бы это письмо в следующей последовательности: «орден святого Енота, прошу помощи, тут творится нечто невообразимое, близкое к общему сумасшествию». Приблизительно как-то вот так.

– Я старался, сэр...

– И ещё немного постарайся сегодня, – с лёгким оттенком сочувствия протянул он. – Одевайся и пройдишь до Британской библиотеки. Мне нужна вся информация об этой секте. Газетные статьи, заметки, рекламные проспекты, брошюры, лозунги, призывы и всё такое прочее. Уверен, что мистер Уорен будет только рад тебе помочь.

– В прошлый раз он едва не придушил меня.

– Потому что мы задали ему слишком лёгонькую загадку. Старикан не так прост. – Лис взял моё электроперо, быстро написал несколько строчек на чистом листе бумаги, сложил вчетверо и передал мне.

– Вручишь записку нашему общему другу. И постарайся вернуться до ужина.

Я покивал, обещая сделать всё, что в моих силах. И, уже выходя из комнаты, резко обернулся на пороге, так как молчать больше не мог.

– Сэр, а вы в курсе, что моя бабушка и ваш дворецкий...

– Майкл, твой поступок не достоин джентльмена. – Месье Ренар резко встал, выпятив грудь, его глаза метали искры. – Я прекрасно осведомлён обо всём, что мне следует знать,

но я никогда не стану совать свой длинный лисий нос в личную жизнь прислуги! Есть же определённые границы приличия.

– Но это моя бабушка... они же...

– Мне стыдно за тебя, мой мальчик! Тебе стоило бы извиниться за недостойные подозрения и нелепые инсинуации.

– Ну извините...

– Не передо мной! – Лис кивком головы указал на стоящего в конце коридора дворецкого. Тот поднял на меня ледяной взгляд и спокойно ответил:

– Извинения приняты, сэр. Но если молодой человек счёл, что я как-то оскорбил честь его семьи...

– Достаточно, старина, – оборвал его мой учитель. – Никаких ваших французских дуэлей в моём доме. Будем считать инцидент исчерпанным. Майкл?

– Ничего не было, сэр, – сжав губы, признал я.

– Шарль?

– Как вам будет угодно, месье. – Он сделал шаг вперёд и отвесил мне низкий церемонный поклон.

Я догадался ответить тем же.

После чего пулей бросился в прихожую, цапнул свой плащ и шляпу с вешалки, а потом, хлопнув дверью, направился в сторону Британского национального музея.

В груди всё кипело и kloкотало, на глаза наворачивались слёзы от жгучей обиды и, самое главное, совершенно незаслуженной обиды. Мало того что он докапывался до меня весь день, заставляя отвечать на глупые вопросы, так ещё и вконец растоптал моё человеческое достоинство, заставив мириться с нахальным французом. А тот, между прочим, явно подбивал клинья к моей... чуть не сказал «нежно любимой», но тем не менее бабушке! Да!

Это неправильно, это несправедливо, это полностью нарушает все устои и вековые традиции Великобритании! Пусть на дворе конец девятнадцатого века, но лично я считаю, что по всем божественным и человеческим законам слуга должен знать своё место!

Кем бы ни был этот дворецкий раньше, хоть трижды чемпионом и героем войны, сейчас он лишь прислуга в доме того, кому я являюсь секретарём, помощником, учеником и другом.

Да, да, несмотря на то что речь идёт лишь об одном из «близких к природе», думается, мне вполне позволительно называть Лиса своим другом. В конце концов, его животные (зверины) качества не являлись препятствием для милого дружеского общения между...

– Пресвятой Ньютон-шестикрылый, что я несу?!

Вовремя остановившись, чтобы не врезаться лбом в фонарный столб, мне всё же пришлось обнять его и на секунду ужаснуться собственным мыслям. Да, юность – время горячей крови, когда количество пороха в ней в сотню раз превышает нормы здравого смысла. Мне крупно повезло, что я не успел всё это высказать вслух ни дворецкому Шарлю, ни тем более мистеру Лису.

В противном случае чувство глубочайшего стыда не покидало бы меня до конца жизни...

А уже минут через двадцать – тридцать я решительным шагом поднимался по ступенькам Британского музея, направляясь в библиотеку. Священное место для любого взыскующего знаний, но моя задачка в этот день была чуточку посложнее. Не просто найти интересующую моего наставника информацию, но ещё и умудриться выбраться отсюда живым.

– Ученик Рена-а-ара, – с непередаваемым оттенком уважения, презрения, самодовольства и протivoестественной доброжелательности прошипел смотритель библиотеки мистер Уорен, выползая из своей комнатки под лестницей.

И что интересно, если тощий дворецкий Шарль больше походил на очковую кобру, то этот столь же лысый индивидуум напоминал скорее коварную гофмановскую крысу, владеющую ключами ко всем тайнам мироздания.

- Добрый день, сэр. Чудесная погода, не правда ли?
- Отвратительная, молодой человек. Говорите прямо, зачем пришли?
- Моему учителю нужна любая информация о новом ордене святого Енота.
- Что ж, за всё есть своя плата. – Он требовательно протянул руку.

Я достал из-за пазухи сложенный лист бумаги, и скрюченные пальцы отобрали его у меня с той же скоростью, с какой зоркий альбатрос хищно хватает рыбу в океане.

– Ну и что у нас тут на это раз? – Старый смотритель хищно пробежал глазами короткий текст. – «Что общего у пудинга и динозавра?» Хм, это опять Кэрролл? Ну, не важно. Спрошу вас, что это значит, молодой человек?

– Не знаю, сэр, – честно ответил я. – Но, возможно, пока вы смогли бы помочь месье Ренару информацией?

– О, это сколько угодно. – Со скрипом выпрямившись, мистер Уорен указал костлявым артритным пальцем в сторону уже известной мне комнатки под лестницей. – Ждите там.

Честно говоря, я абсолютно не понимал, зачем мой наставник играет с этим странным типом во все эти псевдоинтеллектуальные игры. Неужели нельзя было бы просто самому пойти в библиотеку, посидеть там, как все нормальные люди, день-два-три и в конце концов найти то, что требуется? Мой вопрос, как всегда, остался без ответа.

Между тем меньше чем через десять минут на мой стол легли несколько газет за нынешний и прошлый год. Видимо, в них мне и предстояло искать нужное.

– Я приду через час, – зловеще пообещал библиотечный смотритель.

Мне оставалось лишь выдать самую благодарную улыбку в ответ.

– Время пошло, – напомнил он, захлопывая дверь.

Ну вот, собственно, и всё, больше мне писать не о чем, я с головой нырнул в самый тщательный просмотр газет за полтора года, выискивая в каждой жалкие крупички из того, что могло бы помочь мистеру Лису составить мнение о новомодной секте ордена святого Енота. Важных, так сказать, базовых моментов было немного.

Во-первых, само название организации было взято из бракованного экземпляра Библии, где из-за нелепой опечатки, а возможно, и прямого, наглого переписывания вместо Еноха вдруг появился Енот. Эта ошибка была замечена, но признана «божественным откровением», ибо, как известно, «каждая буква в Библии суть есть истина!». Ну и понеслось...

Во-вторых, орден являл собой образец истинной демократичности, в него без разбору принимали всех желающих, хоть людей, хоть «близких к природе», по малой мере разделяющих их основную доктрину «Когда весь мир умрёт, мы будем править!».

Ну, по совести говоря, идея не самая оригинальная, таких было много и до и после, и наверняка ещё не раз человечество будет наступать на те же грабли в будущем.

Но давайте пойдём по порядку. Итак, сам орден святого Енота зародился в Канаде, но там не стал чрезмерно популярен, и адепты новой веры переехали в более доверчивую Европу.

Сначала они обосновались во Франции, потом переехали в Румынию, были там биты, переехали к болгарам, где едва не распались под сенью Рильского монастыря, и окончательно бросили якорь уже в нашей старой доброй Англии.

Сейчас им принадлежал небольшой молельный дом за Вестминстерским аббатством, где орденом ежевечерне, ближе к полуночи, проводились короткие службы. Да, именно службы, а не богослужения. По версии основателей ордена, когда Ной причалил к новой земле, то первым делом он выпустил за борт енота, вроде как тот очень уж просился в туалет.

Енот вернулся через полчаса, довольный и удовлетворённый, сообщив, что вода отступила, а в лесу много широких листьев, которые можно употребить сами знаете для чего. Так вот Ной счёл – как туалетную бумагу, но тот самый приснопамятный енот имел в виду нечто иное. Он почуял божественную силу в листьях растения, оказавшегося табаком!

В память о том знаменательном дне все собрания ордена регулярно окуриваются табачным дымом «Перика». После максимум десятиминутного вдыхания новообращённые адепты начинают видеть странные и прекрасные картины грядущего. Всё это касалось лишь новообращённых и членов секты, но вряд ли могло хоть каким-то образом угрожать всем остальным лондонцам, поэтому тревога моего учителя на тот момент показалась мне изрядно надуманной и поспешной.

В конце концов, каждый из нас способен совершать ошибки. Поймите меня правильно: просмотрев всё, что нашёл в «Таймс» и других газетах, лично я не увидел ни малейшего признака хоть какой-то опасности. На мой юношеский взгляд, при чётком разделении чёрного и белого казалось совершенно ясным, что мистер Дрю сам перекурил какого-нибудь экзотического табаку и начал плести полную ересь, не задумываясь о том, «как слово наше отзовется».

Простите, в те годы я был склонен считать каждое печатное слово правдой.

– Вы закончили, молодой человек? – В двери беззвучно просочился старый библиотечный смотритель. – Что ж, а я нет. И поэтому вам кое-что придётся мне объяснить.

– Что именно, сэр?

– Всё, дрянной мальчишка-а!!! – Стальные пальцы попытались впиться мне в шею, но я неожиданно легко увернулся.

Измученный не меньше меня самого, старик вновь протянул когтистые руки, пытаясь поймать меня и прижать к стене. Не могу объяснить почему, но с позапрошлого раза его движения показались мне гораздо более медленными, и я легко уходил от каждого его захвата.

К тому же в отличие от дворцового Шарля мистер Уорен не пытался меня ударить, только поймать и побороть. Детский сад какой-то, штаны на лямках, если в наше время уже были детские сады. В узком пространстве комнаты два на два французских метра у меня не было особого пространства для манёвра, но точно так же и у него не было возможности обойти меня с флангов или осуществить захват за шею с тыла. Так что драка не могла продолжаться долго, до первого финта...

Когда я успешно вырвался за дверь, поднырнув под левую руку зрителя, мне вдруг взбрела в голову нелогичная мысль, что за все драки сегодняшнего дня я должен был быть благодарен именно старине Шарлю. Если бы не его ежедневные занятия, разве смог бы я без помощи своих электрических изобретений один на один нокаутировать Большого Вилли или легко избежать смертоносных захватов библиотечного зрителя? Очень и очень сомневаюсь!

– А ответ лежит на поверхности! – уже со ступеней лестницы библиотеки прокричал я. – Достаточно лишь представить пудинг и динозавра.

– Всё равно не понимаю, – донеслось в ответ, но здоровое чувство самосохранения подсказывало мне, что возвращаться и объяснять не стоило.

Библиотекарь правильно угадал тему загадки, но не понял её суть. А именно этой игрой сегодня развлекался месье Ренар. Главное, найти связку. Помните кэрролловское «Позвольте представить: Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса»? Вот и с динозавром та же песня. Мы не видим его, мы лишь можем его представить. Понимаете, представить пудинг кому-то, представить динозавра себе, но в любом случае ключевое слово «представить».

Я непонятно объясняю, да? Ох, ну, наверное, мой учитель сумел бы растолковать вам лучше, ведь он же сам всё это придумал.

Домой я буквально летел вприпрыжку, разбрызгивая лужи и уворачиваясь от слишком неповоротливых джентльменов. Пара волков добродушно скалила на меня зубы, один констебль даже пригрозил мне дубинкой после того, как я чуть было не сбил с ног пожилую овцу. Кстати, это было роковой случайностью, она просто резко решила поправить очки, но в любом случае у меня получилось хоть как-то избежать прямого столкновения.

Дальше мне пришлось ещё больше ускорить шаг, не дожидаясь полицейского свистка вслед. И, как вы понимаете, я не очень смотрел по сторонам, поэтому, когда у мимо проезжающего кеба открылась дверца и стальная рука цапнула меня за воротник, втягивая внутрь, я даже удивиться толком не успел.

– Извини, если напугал, – без малейшей вины в голосе зевнул месье Ренар, усаживая меня на сиденье рядом. – Времени мало, но я питаю надежду, что ты сумел найти какие-нибудь полезные сведения в библиотеке.

Я выровнял дыхание, откашлялся и протянул ему два листа бумаги, исписанной мелким рабочим почерком.

– Отлично. – Он не глядя сунул бумаги во внутренний карман длинного плаща. – Полистаю на досуге, а теперь перескажи мне вкратце всё, что сумел узнать.

Я прикрыл глаза, сосредоточился и едва ли не залпом выпалил всё, чем лондонские газеты наградили мой мозг, не упустив также и многоходовый диалог с библиотекарем.

– Bravo, мой мальчик. – Лис пару раз хлопнул в ладоши.

– Спасибо, сэр. Значит, я справился?

– Почти.

– ???

– Эта загадка вообще не имеет ответа, я выдумал её от фонаря, лишь бы отвлечь старого зрителя хоть какой-то пищей для ума.

– Но погодите, а разве «представить – представить» это не...

– Нет, это не ответ, всё слишком притянута за уши. Ты так хотел разгадать загадку, что переиграл сам себя.

– Это нечестно! Любая задача должна иметь смысл.

– Глупости, – безмятежно отмахнулся он. – Вспомни лимерики Эдварда Лира или «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве...». Смысла ни в том, ни в другом нет и на медный пенс. Зато есть незатейливая игра и безмятежное дурачество, а то и другое стоит ценить. Жизнь и без того чертовски скучна порой.

Я с некоторым недоумением покосился на своего рыжего учителя. Обычно он невероятно оптимистичный зверь, состояние лондонского сплина для него нехарактерно.

– Что-то случилось, сэр?

Он не ответил, поднял воротник и постучал тростью в крышу кеба. Паровая машина дала свисток и, скрипя тормозами так, что мурашки забегали по коже, медленно остановилась.

Месье Ренар вышел первым и, не оборачиваясь, бросил через плечо монетку, ловко пойманную в котелок молчаливым кебменом. Кстати, в этот раз я и не заметил, что нас везли без всяких песен. Возможно, мой учитель умеет, когда ему надо, договариваться (по-хорошему или по-плохому) даже с вечно поющими водителями кебов.

Не знаю, как у него это получается, вроде бы находить общий язык с любым человеком – это несложно, но Лис при всём прочем ещё и умудрялся оставаться абсолютно искренним, ни на миг не поступаясь собственной индивидуальностью и самоуважением. Иногда мне казалось, что в этом есть нечто мистическое.

– Нет, – жёстко сказал он, стоило мне протянуть руку к ручке двери той самой табачной лавки. И в голосе его было что-то такое, что заставило меня вздрогнуть. – Беги на угол дома, на перекрёстке справа должен быть констебль. Надеюсь, что это Джобс, по времени должна быть его смена.

– Э-э... сэр, а почему мы не...

– Бегом!!! – рявкнул он таким командным голосом, что меня буквально снесло с места, доставив до указанного перекрёстка втрое быстрее, чем я мог бы себе представить.

Да, на правой стороне улицы лениво мялся с ноги на ногу очередной представитель «близких к природе». Это была невысокая, ниже меня ростом, довольно пухлая жаба в полицейском мундире, при шлеме и с дубинкой на поясе.

– Сэр Джобс? – робко уточнил я.

– Просто Джобс будет достаточно-о, – чуть растягивая слова, кивнул он. – Что угодно молодому человеку-у?

– Мой учитель месье Ренье, то есть месье Ренар, просит вас...

– Ренар? – мгновенно вскинулся полисмен, выкатывая шарообразные глаза. – Ренара все знают, он зря рябь на болоте не поднимет. Куда-а бежим?

– Лавка табачника Дрю. – Я указал направление пальцем.

И если всего минуту назад «близкий к природе» казался мне толстым и неповоротливым, то сейчас он нёсся вперёд такими длинными прыжками, что я едва успевал следом, хотя бежал изо всех сил. Кто бы поверил, что жабы такое умеют? Я до сих пор не верю.

Мой учитель терпеливо ждал на том же месте, где мы расстались. У его ног не валялись связанные преступники, его элегантный костюм был по-прежнему безупречен, значит, ничего такого уж страшного за время моего отсутствия не произошло.

– Ренар!

– Джобс! – в тон откликнулся мистер Лис, обмениваясь с констеблем сложным и долгим рукопожатием. – Как жизнь?

– Тина-а.

– И у меня.

– Отлично, – удовлетворённо высунул длинный язык полисмен, подмигивая мне самым фамильярным образом. – Новый мальчишка-а?

– Лучший из тех, что был.

– В каком смысле-е?

– А по сопатке? – ровно уточнил месье Ренар за секунду до того, как я подумал, что предыдущая фраза могла бы показаться двусмысленной.

– Заигрался-а, – пожал плечами констебль Джобс, и рот его разъехался от уха к уху. – Зачем звал, что слу-училось?

– Запах крови, – жёстко ответил мой наставник. – Мне это не нравится. Дрю неплохой парень, поэтому думается, что тебе стоило бы зайти и проверить.

– Без ордера и вызова никак нельзя-а...

– Разве ты не слышишь криков о помощи изнутри? – холодно удивился Лис. – Вот я, например, слышу.

– Это лишь одно частное мнение.

– Майкл?

– Да, сэр? А-а, конечно, я тоже слышу, сэр! Кто-то кричит, о боже, позовите полицию, спасите меня, сообщите констеблю Джобсу, что...

– Достаточно-о, джентльмены, – уныло признал полисмен и толкнул дверь ногой. – Идите следо-ом, вы будете свидетелями-и.

Толстый полисмен вдруг неожиданно высоко подпрыгнул и обеими ногами мощно и страшно шибанул дверь, просто выбив её вместе с косяками и петлями. Прохожие на улице невольно остановились, а мы втроём ринулись внутрь. Я щёлкнул выключателем света, невольно ахнув от увиденного.

– Ра-азгромчик-с?

Да, всё помещение было разгромлено в хлам, так, словно Багратионовы флешы мистической силой перенесли в маленькую табачную лавку. Сигары, папиросы, сигареты, сигариллы россыпью валялись на полу, мешки и коробки с разными наклейками громоздились в хаотическом порядке, обсыпанные чёрным, коричневым и даже желтоватым табаком, а из-под рухнувших полок торчали две енотовидные ноги в домашних шлёпанцах и полосатых носках.

Наверное, «енотовидные» кажется вам не лучшим определением, поверьте, в иной момент я бы с большей ответственностью подошёл к определению, но сейчас...

– Майкл! – Тяжёлая лисья лапа вцепилась мне такой подзатыльник, что я едва сам не пропахал носом дорожку среди табачного моря. – Да помоги же ему! Видишь, как мистер Дрю вздрагивает левой ногой, он явно подаёт нам сигнал о помощи.

Пока мы с Лисом вдвоём вытаскивали из-под рухнувшего прилавка несчастного табачника, мистер Джобс выпрыгнул наружу, во всю мочь дуя в полицейский свисток. Через

несколько минут уже трое или четверо констеблей взяли под охрану место преступления, а сержант Гавкинс, изо всех сил старавшийся выглядеть суровым и подтянутым, пытался взять показания у свидетелей.

То есть у нас двоих. Бедного мистера Дрю Бэрримора уже увезла карета «скорой». Енот был жив, но получил тяжёлую травму головы и едва не задохнулся от табака.

– Ренар, ты опять влип. – Доберман без улыбки поманил моего учителя пальцем. – Мальчишку я допрашивать пока не стану, но ты под подозрением.

– Неужели? – ни капли не удивился мой учитель.

– В глаза мне смотреть!

– Я должен что-то там увидеть? Ну, кроме того, что вы ещё явно не пришли в себя после египетского дела и были бы не прочь выпить сливок?

– Идите в дом!

– И не подумаю. – Месье Ренар спокойно оперся спиной о косяк. – Там сейчас навалено столько табака, что если я ещё раз туда войду, то рискую напрочь потерять нюх.

– Но я же иду!

– Но у вас и нюха-то никогда и не было...

Сержант зарычал, но в присутствии подчинённых не мог позволить себе лишней грубости. Тем более что через минуту они оба всё-таки шагнули в разгромленную лавку. Правда, Лис остановился на пороге, прикрывая нос платком, а сержант Гавкинс рыскал по всем углам, попутно задавая кучу вопросов.

– Что вы тут делали, дьявол тебя раздери? Зачем кому-то смотреть в чужие окна и звать полицию? Что такого ты там увидел, Ренар? Слепой пёс гавкает отрывисто, но скорбит по прошлому сентябрю, верно?

Я прочистил уши. Чегось-чегось?!

– Три дня, поверь мне, три дня, и ты съешь эту розовую черепаху. Она вкусная, я сам съел уже пять штук. Но статья в «Таймс» всегда набирается чёрным, понимаешь?

– Сэр? – Я осторожно подёргал за рукав моего наставника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.